

Арфу
2018

PDF-Версия
<https://furrystuff.ru/>

Mr. Foxton

Оглавление

Поэзия и проза

kallissa630

"Куда улетели драконы"..... 7

Foxik

"Лев, олень, сергал и львишка..."...7

Кельт

"Время Крылатых".....8

Мантс

А завтра будет?.....24

Мирдал и Хеллфайр Файр

Нечистые.....38

Тигреан Кхра Фирос

У дракона две души.....49

На перепутье (Азеркин).....49

Роберт Волк

Закованный в цепи.....50

Zero-Ni

Волки Севера.....51

Иллюстрация.....35

Иллюстрация.....37

Иллюстрация.....50

Иллюстрация.....59

Foxy Soul

Охотник.....6

Ansticewolf

Peaceful moments.....10

Deer hunt.....32-33

Vikings battle.....52-53

Winter morning.....56

Azara

Подарок.....6

MARTA Wolff,

Мёртвое красное солнце

Иллюстрация.....40

Panda

Akvalang.....43

Keter Glord

Иллюстрация.....45

Кровавый Хольмганг

Иллюстрация.....46

Андрей Азон

Перекур.....47

Художники

Роберт Волк

Odal.....3

Иллюстрация.....15

Наталия Felis Смирягина

Иллюстрация.....5

eublefar2.....7

Иллюстрация.....9

Иллюстрация.....19

Иллюстрация.....25

От редакции

Привет, пушистые! Перед вами выпуск альманаха русскоязычного фурри искусства по итогам 2018 года. Его выход в этот раз задержался. Основная причина в том, что ранее сроки выпуска альманаха всегда были приурочены к Русфуренции. В этом году, фурика перенесена на конец лета и у нас не было причин торопиться. И теперь, мы готовы представить вам новый Арфи.

Хочу высказать благодарность всем, кто принимал участие в создании, наполнении и оформлении выпуска этого года. Дизайн страниц нам помог сделать **Роберт Волк**. Кстати, это его арт размешен на фоне внутренней обложки, а его стихотворение можно найти далее в этом выпуске. Хочу так же поблагодарить **Амбидекстер** за строгий разбор орфографии, знаков препинания и опечаток во всех текстах, а так же рекомендации по редактуре. Отдельная благодарность нашей постоянной команде: **Imanika, Lozi Cheetah, Neichet, Alive** за верстку, усилия по сбору работ, онлайн поддержку и другую помощь.

Среди авторов и произведений, на которые я бы хотел обратить внимание в этом году: *“Нечистые”* - колаб авторов **Мирдал** и **Хеллфайр Файр**.

К сожалению, объем нашего журнала не позволил включить это произведение целиком, но ссылка на полную версию произведения указана в соответствующем разделе. Если вам понравится мир нарисованный авторами, воспользуйтесь ссылкой, указанной на странице **38**.

Продолжение *“Времени Крылатых”* от **Кельта**.

Стихи **Тигреана Кхра Фироса** *“На перепутье”* и *“У дракона две души”*.

Надеюсь, вам будет интересно прочитать эти и другие вошедшие в альманах фурри-произведения.

StormWind AKA ShaggyDog

Куда улетели драконы

«Куда исчезли драконы?»
Вас не мучил подобный вопрос?
Куда же крылатых змеев народы
Подевались, не оставив следов?

Ответ был бы прост —
«Их всех перебили!»
Но как истребили большой
популяции «рост»?
Как люди забыли, что чуждый народ
умертвили?

Ваш ответ был бы быстр —
«Их не было никогда!»
Но образов чьих в мифологии след
С историй народов не исчез никуда?

Хочу я сказать вам, добрые люди,
Улетели драконы туда,
Где небо — озёрные глади,
Где дуют мудрые ветра.

Там в одночасье сможет
Стать явью детства мечта.
Там старец станет моложе,
А в мир не придёт беда.

Они улетели на чистые земли,
Где ночью звёзды искрят.
Туда, где покой свой нашли,
Забыв злой человеческий взгляд.

* * *

Лис, олень, сергал и львишка
Все пушистые, в штанишках
Все пришли на вписку ночью
Только кот не очень хочет.
Он орёт всё Мая, да мая:
Дайте Вискас для меня.
Не хотят кормить котов,
Не хватает им хвостов
Для игры в Манчкин всю ночь.
Кот не хочет нам помочь

* * *

Ночью фуррики все спят,
Ночью фуррики храпят,
Но один храпел так громко
Что упал с кровати звонко.

Все проснулись. Шум и мат.
Что же ты свалился, брат?
— Сон приснился страшный
очень.
Тёплый бок мне нужен очень.

Чтоб погреться об него
Не бояться ничего.
Фурри снова спят вповалку
Бок для брата? Им не жалко)

Foxik

<https://vk.com/mrfoxik777>

Kallissa630

<https://vk.com/kallissa630>

Время Крылатых

Глава 4

Ползучая Тьма

Предлагаем вниманию читателей четвертую главу из повести «Время Крылатых» нашего заслуженного автора, не раз появлявшегося в прошлых выпусках. Надеемся, тем, кто следит за развитием этого мира, будет интересно узнать продолжение. Другие части читайте на странице автора:

samlib.ru/j/jaroslav_woronickij

— Лестница Хират, — шёпотом объявила Мрита, когда они миновали узкий длинный коридор, ведущий из Зала Тринадцати Колонн и вышли на широкую балюстраду, обнесённую низкими гранитными перилами. — Ведёт в главную галерею Хортага.

— Что после главной галереи? — спросила Мриту Ракана.

— Северный и западный коридоры, — продолжала вспоминать олениха. — Северный ведёт наверх, к башням. Западный — вниз, к Залу Трапез.

— А нам куда? — к ним подошла гиена.

— Сейчас увидите, — забрав у Якры факел, Мрита первой подошла к лестнице и, держась ближе к перилам, осветила круто сбегające в темноту щербатые ступени. — Спускаемся и смотрите под ноги.

Это было не пустым предостережением. Некоторые ступени Хират, как оказалось, имели разную высоту. Первой в эту ловушку угодила снежная коза. Урнала наверняка покати-лась бы по лестнице, если бы Кайла не вцепилась в лямку её мешка. Лямка осталась у импалы в руке, а из мешка выпал котелок.

Задорно дребезжа, будто радуясь внезапной свободе, котелок поскакал по ступеням. Олениха и пума тотчас затоптали факелы.

— Гусак тухлый! — не сдержалась Урнала.

— Цыц!

В наступившей тишине стало слышно, как негодный котелок, благополучно пересчитав ступени, угомонился где-то внизу.

— Чья пустая башка прыгала по лестнице?

— Молчи, Якра!

Снова стало тихо. Было слышно, как где-то внизу журчит вода. Затем, совсем близко, справа с шорохом осыпался песок.

Застывшая у перил Мрита пошевелилась, разминая затёкшую ногу, затем осторожно протянула руку вперёд. Пальцы коснулись широкого мохнатого уха гиены. Якра успокаивающе стиснула её запястье.

Нервно захихикала пума. Смех её тут же погасила мощная оплеуха.

— Всё, Кайла, ханырк тебе...

— Обоих удавлю! — зловеще пообещала Урнала, и грозная тишина вновь придавила всех к холодным ступеням Хират.

Мрите показалось, что прошёл день, прежде чем она начала различать в темноте размытые очертания лестницы и застывшие тени. Одна тень бесшумно надвинулась на неё, обдав жарким дыханием и запахом трав.

— Мрита, — спросила Урнала, — мне показалось, что ты считала ступени.

— Да, — прошептала в ответ олениха, — эта — двадцать седьмая...

— Идём дальше, — громким шёпотом обратилась Урнала к остальным.

— Огонь разводить не будем.

— Я и без него всё вижу! — проворчала пума.

— Вот и хорошо! И заклинаю, девочки, держитесь на ногах!

Оставшиеся ступени, к счастью, оказались не столь коварными.

— Лестница закончилась! — наконец сообщила Мрита.

— Ты говорила про убежище, — напомнила Ракана.

— Здесь, — олениха на ощупь отыскала тесный закуток между лестницей и стеной. Ладони её нащупали затянутый отсыревшей паутиной дверной проём и саму дверь, ведущую под лестницу.

— Погоди, — Урнала оттеснила Мриту, осторожно подёрнула дверь. — Заперта. Якра, нужен огонь. Ракана, прикрой её чем-нибудь...

Пума достала из своего мешка плед. Вдвоём с Кайлой они развернули его, прикрывая закуток с дверью, где деловито лязгала кресалом гиена.

Треща и плюясь смоляными брызгами, факел медленно разгорелся, осветив узкую дощатую дверь, ведущую под лестницу. Передав горящий факел Мрите, гиена приблизилась к двери и осторожно налегла на запиравший её засов. Дверь отворилась почти бесшумно. Якра прислушалась, пошевелила ноздрями, вопросительно посмотрела на Урналу. Снежная коза с опаской заглянула за дверь.

— Никого. Заходим.

Крохотная каморка, уютная и обжитая, четыре шага от стены до стены, слуховое окно, закрытое глухим ставнем, да круглая глиняная печь в дальнем от двери углу. Осмотревшись, Мрита надёжно укрепила факел в скобе на дверном косяке и посторонилась, пропуская гиену. Якра протиснулась к слуховому окну, приоткрыла его и тут же захлопнула: в нос гиене хлестнуло колючей снеж-

ной крупой. Импала с любопытством осматривала печь, Урнала принялась озабоченно пересчитывать награбленные на плоту мешки. Хаар, придирчиво осмотрев каморку, что-то пробурчала себе под нос и выскользнула за дверь, видимо, решив остаться до конца ночи в дозоре.

— Гляньте-ка! — Ракана обнаружила укрытые мешковиной аккуратно наколотые сосновые чурки.

— Дым заметят, — предостерегла пуму снежная коза.

— Из крепости не заметят, — возразила Мрита. — Дымоход на восточную стену выведен. Арес мне про это место часто рассказывал.

Пересохшие дрова сгорели быстро, но печь грела хорошо. Пользуясь долгожданной передышкой, Мрита сняла надоевшую кольчугу, стянула сырые сапоги, рукавицы, протянула озябшие ступни к её горячему глиняному боку и зажмурилась, чувствуя, как живое тепло разгоняет по жилам загустевшую от промозглой стылости кровь.

Она в Хортаге. В крепости Вульфа Бурого, Хангара Чёрного, Ягморта, Ареса, и, кажется, Хортаг принял её. А что будет после — пока не важно. Главное, она обрела новый дом и, похоже, обретает друзей. Олениха не стала открывать глаза, боясь спугнуть долгожданный покой, и незаметно уснула.

Гиена уже дремала. Пума сердито плевалась вяленным ершом. Урна-ла, поменяв Кайле повязку, что-то искала в одном из захваченных на плоту мешках. По её мнению, большую часть этого барахла следовало побросать в Ырзь. Дрянные одеяла ликаонов от холода почти не спасали, одежда оказалась мала, а припасы стремительно таяли. Последнее расстраивало снежную козу сильнее всего.

— Пообросли барахлом! — бурчала коза, сердито потроша очередной мешок. — Пледы короткие, чукаши худые, хурки впору дуракам на праздники! А это что?

Выпавший из мешка тяжёлый кожаный свёрток больно ушиб ей ногу. Урна-ла выругалась. Погружённая в какие-то невесёлые мысли Кайла вздрогнула и обернулась.

— Что это? — напряглась импала. — Урна-ла, а ведь это моё! — она указала на свёрток и мешок с вышитой на лямке руной.

— Твоё, так сама и тащи! — буркнула коза.

Кайла подхватила брошенный ей мешок.

— Надо же! Одежда целая! — антилопа принялась стаскивать с себя рваньё.

Ракана, забыв про ерша, следила за Кайлой и, дождавшись, пока импала отвернётся, ловко сцапала свёрток и, урча от нетерпения, распустила кожаную тесьму. В свёртке лежала обёрнутая в зелёную промасленную

тряпку кольчуга: совсем новая, из паяных тёмно-серых матовых колец, шлем из толстой кожи с вшитыми стальными пластинами и с кольчужной бармицей длиной как раз под антилопью шею.

— Мило. Когда тебя убьют, я заберу это себе.

— У тебя морда широкая. Не нале-зет.

Набросив новую хурку на плечи, Кайла облегчённо вздохнула и, жмурясь от удовольствия, погрузила пальцы в тёмный искристый мех.

— Боги ветров и равнин, неужели мне наконец-то тепло?

Импала гордо расправила плечи и, скрестив руки на груди, нависла над пумой.

— Как?

— Не хочу тебя огорчать, рыжая, — завистливо фыркнула Ракана, — но, во-первых, тебе идёт, а во-вторых, давно хотела у тебя кое-что спросить.

— Да? — насторожилась антилопа. — И что же?

— Ралхи обходят эти предгорья стороной, простые разбойники даже словом лишний раз помянуть Хортаг боятся, кругом только лёд и камень. Чего рябых сюда понесло? Как им удалось взять крепость?

Кайла присела рядом с Раканой, отобрала у неё шлем, нахлобучила себе на голову, подвигала стальное переносье, сняла и положила на колени.

— Не знаю, — наконец произнесла она.

— А если как следует промеж ушей поскрести? — криво ухмыльнулась пума.

— Если поскрести? Дней десять назад, в одну из ночей, ликаоны Гиязи осадили Хортаг. Жгли костры... Сотни костров. На рассвете, они двинулись к воротам, но волки обрушили

мост. Правда, их это не спасло. Рыбы уже проникли в крепость тем же путём, которым прошли и мы.

— Значит, костры, осада... всё для отвода глаз?

— Да, — кивнула импала. — Но было кое-что ещё.

— Бунт в крепости? Да? — прищурилась пума.

— Я появилась у стен Хортага на второй день после осады. Правда, в саму крепость я не попала, там всё ещё шёл бой. Поговорила с двумя ранеными ликаонами, а потом ко мне подошёл койот Хириз. Он и рассказал о трупях волков, которые они обнаружили, едва ворвались в нижние ярусы Хортага. Убиты они были, по словам Хириза, дней пять назад.

— Интересно, — покачала головой пума.

— Интересное началось потом, — продолжала Кайла. — Вернувшись в колодцы, я обрадовала Ларса, что Хортаг наш. Радость их была недолгой. Следующий гонец прибыл уже вечером, потребовал подкрепления и увёл с собой два десятка воинов. Больше мы их не видели. Тут Ларс почуял, что победа в Хортаге пахнет жареным скунсом, и отправил в кре-

пость койота Налда. Налд — бывалый, да и псы его натасканные, наверняка разнюхали много всего, да вот напоролись на обратном пути на засаду. Дальше рассказывать, Ракана?

— Да, конечно.

— Приползли трое, выжил один, — продолжала Кайла, — он-то и рассказал Ларсу, как на их плот напали ралхи.

— Ралхи? — удивилась пума.

— Ну, кто ещё может шататься по Колодцам целой вооружённой шайкой? Только я сразу заподозрила Хаар, едва услышала про росомаху.

— А этот выживший, — нахмурилась Ракана, — рассказал что-нибудь про Хортаг?

Импала пожала плечами.

— Может и рассказал, да только Ларс мне не докладывает.

— Ну а мешок твой как на плоту оказался?

— Налд попросил, — хмуро ответила импала, — сказал, вернёт с подарками... спрашивал, какой мех мне нравится, а я ответила, что койота. Знала бы, что так всё выйдет, молчала бы. Или с ним поплыла...

В камерке повисло напряжённое молчание.

Ракана, не сдержавшись, покосилась на спящую Мриту и прокашлялась.

— Зачем Гиязи Хортаг?

— Сама знаешь, зачем. Сегодня Хортаг, завтра — Рамир.

Пума громко фыркнула, и импала, сердито глянув на неё, приложила палец к губам. Дверь приоткрылась, и в камерку обеспокоенно заглянула стоявшая в дозоре Хаар.

— Да за Рамир Сунафат вступится, — вновь перешла на шёпот Ракана. — Нет, чую, ищут они здесь что-то.

— Ничего они не ищут, — тоже шёпотом возразила импала. — Гиязи Мигроса ненавидит, да так, что пеной

плюётся. По имени его не зовёт, ворм кличет. Интересно, что он у неё украл?

— Боги ведают. Ну а тебе какое дело до Мигроса, Хортага и Рамира?

— Никакого! — заверила её импала. — Я только Ларса охраняла!

— Поди, много наобещал тебе Ларс, как Гиязи Хортаг возьмёт? — оскалилась пума.

— Ларс? Мне? — импала усмехнулась. — Ничего мне Ларс не обещал, но золота, за то, что я прикрываю его зад, не жалел. Я в его дела не лезла. Делала то, что он скажет: от ралхов берегла. Гиязи его здорово боится...

— Почему? — неожиданно спросила давно следившая за разговором Урнала.

Вздвогнув, импала обернулась на её голос.

— Ларс сильный вудул. Наверное, самый сильный на севере.

— Видела, как он колдуует?

Кайла пожала плечами.

— Гиязи видела. Потому и боится. Децар Улай как-то рассказывал, что однажды Ларс на потеху Гиязи голыми руками свернул в трубочку железное блюдо.

— Это и Ягморт может! — фыркнула Урнала. — Тоже мне колдовство! Чего тут бояться?

Откуда-то из нижних ярусов крепости докатился отголосок тяжёлого удара, зашуршал по стенам песок. Проснулась Мрита.

— Что это?

С наступлением ночи, в крепости проснулась какая-то жизнь. Где-то внизу раздавались шаги, кто-то отдавал команды, то и дело волокли что-то тяжёлое. Дважды, прямо под ними тяжело ухнула подъёмная решётка.

Дверь приоткрылась, и в каморку заглянула изрядно встревоженная Хаар. Воинственно оскалившись, росаха указала куда-то в темноту и выразительно провела себе ладонью

по горлу.

— Хаар беспокоится, — заметила импала.

— Вижу, — буркнула снежная коза. — Надо искать местечко потише. Мрита?

Только теперь Урнала заметила, что олениха уже в кольчуге и с расчехлённой секирой на коленях.

— В Зале Трапез должна быть неплохая дверь... — помолчав, вспомнила она. — Арес рассказывал...

Недослушав, Урнала толкнула в бок гиену.

— Якра, подъём! Бросайте весь этот хлам здесь, никуда не денется. С собой только броня и оружие.

Урнала окинула всех строгим взглядом.

— И чтоб тихо! Всё, гасите огонь. Пошли.

За дверью их ждала крошечная тьма. У подножия Хират пришлось ненадолго задержаться, чтобы привыкнуть к ней. Очень скоро Мрита уже могла различить кончики пальцев вытянутой перед собой руки. Впереди белела спина Урналы, справа у арки стояла Ракана, и обнажённые тесаки в руках пумы мерцали, будто рыба чешуя. Спрятавшуюся в нише под лестницей Кайлу выдавал блеск широкого наконечника её копья. Присутствие Якры олениха замечала, когда дыхание гиены касалось затылка.

— Я тебя вижу, — радостным шёпотом сообщила гиена.

— Все прозрели? — нетерпеливо спросила Урнала. — Мрита?

— Прямо, под арку и вниз.

Предупредительно зарычала пума.

В тот же миг, в противоположном конце тёмной галереи заплясали отблески факельного пламени.

— Всё, здесь оставаться нельзя! — голос козы дрожал. — Мрита! Да поможет тебе твой олений бог, веди...

— За мной! — одними губами произнесла олениха.

Они выскочили в галерею и сразу свернули в тесный коридор, ведущий налево.

Вперёд выслали Якру. Та прошла с десяток шагов, осторожно заглянула за угол и...

— Лестница, — сообщила она, — за ней дверь.

— Это и есть зал трапез, — подтвердила Мрита. — В нём...

— Погоди! — оборвала олениху Урнала. — Значит так! Якра, открываешь дверь, и в сторону! Заходим я, Кайла и Ракана. Ты, Ракана — сразу смотришь за дверью, а я и Кайла...

— Прямо как тогда, в пещерах Гутлаха, — усмехнулась импала. — Помнишь их?

— Мечтаю забыть... — фыркнула коза. — Мрита, Хаар, не зевать! Всё, девочки, пошли...

Дверь отворилась легко и почти без скрипа. Тотчас, пригнувшись, в дверной проём проскочили Урнала, Кайла и Ракана. В темноте негромко вскрикнула пума, лязгнула стали!

— Хаар, ко мне! Мрита, стой там! — крикнула импала.

— Всё! Тихо! — раздался спокойный голос Урналы. — Живо сюда, и дверь закройте.

— А чего случилось хоть?

— Кошки висящих на стене топоров боятся!

— Мррахх...

— А мечей?

— Замолчите! Хватит уже... — шикнула на импалу и гиену коза, — Мрита, заходи.

Навьюченная мешками олениха протиснулась в дверь, отодвинув плечом стоящую на пороге Кайлу и с любопытством осмотрелась.

Зал, где по волчьему обычаю собирались приближённые конунга Хортага и особо отличившиеся воины, был невелик и скромн. Стол заменя-

ла отполированная до блеска чёрная гранитная плита, рядом валялись четыре опрокинутые скамьи.

— Какой очаг! — восхитилась коза.

Очаг и вправду был хорош. Широкий, почти во всю стену, с кованой жаровней и с дымоходом.

— А ничего топорик, — услышала Мрита голос Кайлы.

Пума вертела в руках боевой топор с длинной прямой рукоятью и широким, на вид очень острым лезвием.

— Где ты его взяла? — нахмурилась олениха.

— На стене висел. Я сперва даже подумала, что там кто-то стоит. — Ракана попробовала пальцем остроту лезвия. — Ня!

— Повесь на место, — строго сказала ей Мрита. — Может, это... Хангара.

— Едва ли... — импала отобрала у пумы оружие и поднесла поближе к огню. — Орлиная лапа... Якра, «орлиная лапа», чьё клеймо?

К ним подошла что-то жующая гиена, и принялась рассматривать находку.

— Не жнаю... — с набитым ртом, ответила она. — Не север, точно.

— Наверняка восток... — Кайла вернула топор пуме и, взяв копьё наперевес, ещё раз внимательно осмотрелась. — Урналы, кажется, псы были здесь. И могут вернуться...

— Псы были здесь, — коза принялась, — дня четыре назад... А насчёт того, что вернутся... — Урнала подошла к двери, подёргала, осмотрела засов и петли. — Сразу не выломают, и то ладно.

— А если начнут?

— Ну... — коза развела руками. — Не сотнями же они по крепости шатаются. И вообще, мне кажется, что псам сейчас не до нас.

Будто в подтверждение её слов где-то глубоко под полом ухнуло что-то, аж стены задрожали.

by Mr. Foxton

— Во-во... — Урнала принялась в который раз развязывать свой мешок. — Ложитесь. Ракана стережёт сейчас. Якра — под утро... Мрита, хватит бродить!

Олениха всё никак не могла прийти в себя. Великие герои прошлого. Вульф Бурый, Раггир Одноглазый, Халия Чёрный хвост, а с ними три сотни храбрецов, пришли в эти предгорья из Северного Гутлаха и Ратпмара, убили живущее под этим холмом чудовище и основали Хортаг. Позже, сотня Вульфа ушла к берегам северного моря, покорять Белые Земли. Обратно не вернулся никто.

Равные Богам, вот за этим столом...

— Мрита, хватит блуждать, как мёртвыш! — ворчание Урналы вернуло олениху с небес. Она вздохнула и принялась устраиваться рядом с козой. Не спалось. Из северного угла зала тянуло холодом. Заскулила во сне Якра. Вздохнув, олениха повернулась на левый бок. В темноте влажно сверкнула искорка.

— Не спишь, Урнала?

— Не сплю.

— Мы в Хортаге, Урнала!

— И чего?

— Герои здесь...

Коза насмешливо фыркнула.

— Я восьмой год сплю то с глефой, то с совней, а не с самцом, вот и всё геройство. А про вывалившиеся из брюха кишки, в арогах не поют...

— Но...

— А герои эти... — Урнала вздохнула. — Вульф Бурый, незадолго до последнего похода, убил старшего брата, из-за наследства. Раггир был ралхом, Альва — бывший чёрный нукарх, в Южном Гутлахе даже скала Альвы есть. Халия Чёрный Хвост, единственная олениха среди волков, была... — коза махнула рукой. — Послушай, — ладонь Урналы опустилась на её щеку, осторожно погладила нос и губы. — Если выберемся из это-

го проклятого места живыми, поклянись мне, что уйдёшь! Поклянись, что больше никогда не возьмёшь в руки секиру. Кровью своей поклянись, что вернёшься назад, к Аресу. А?

— Я не могу этого обещать, — помолчав, ответила Мрита.

— Станешь как Халия... — Урнала вздохнула. Было слышно, как она натянула себе на голову плед. — Ракану не спасла, так хоть тебя спасу от этой доли.

— Спасёшь?

— Жестокость заразна как чума...

— Кто-то должен воевать...

— За что?! — коза отбросила плед, приподнялась на локте и воинственно вытаращилась на Мриту.

— Эта, — она кивнула на дремавшую возле очага Кайлу, — режет глотки за золото. Хаар нравится убивать. Ракана, потому что ничего другого делать не умеет...

— А ты? — с вызовом перебила её олениха. — Ты, даром что ли?

— Спи, давай! — рыкнула в ответ Урнала. — Тоже мне, волчица Севера сопливая!

Обиженно засопев, олениха отвернулась к стене и укрылась с головой своим старым одеялом.

— Кто-то должен... Милосердный Агос! — долго ещё ворчала Урнала.

Сон не шёл, и коза достала из мешка большой клубок белых шерстяных ниток и крючок. Шерсть была её собственная, собранная и спрядённая в прошлую весеннюю линьку. Просторная и тёплая безрукавка грубой олорской вязки была почти готова, но работы ещё предстояло много, что радовало Урналу. В детстве она не сомневалась, что на Посвящении ей выпадет Заг, руна прядильщика, но вышло иначе. Выпал Зир, руна воина, и родичи Урналы, бывшие в ту пору хранителями Агосары в небольшом посёлке у перевала Кунач, решили, что она должна основать

собственное святилище Агоса. Средства на постройку Агосары издревле добывались только мечом. Впрочем, меча у хранителей полузабытой Агосары не было, и свой боевой путь Урнала начала со старой отцовской глефой, которой в свои десять лет она вполне сносно владела. Умение обращаться с оружием было первым, чему учили поклонники Агоса Белобородого своих детей. Тому, кто носит красивую шкуру — важно уметь её защищать. В этом снежная коза очень скоро убедилась: только в первый год после Посвящения ей трижды приходилось отбиваться от ралхов.

Урнала приподнялась, разогнула затёкшую поясницу. Подложила себе в изголовье ещё один мешок, устроилась поудобнее и вернулась к прерванному занятию и воспоминаниям.

Агосара, та самая, которую они недавно навещали в предгорьях Хортага, существовала уже пять лет и процветала во славу Агоса да богов Хорта, а вот её хранительница...

Ранение, полученное в битве при реке Калее, надолго задержало Урналу в лагере Ягморта. Потом охота на нукархов в пещерах Гутлаха, в одном отряде с Якрой и Кайлой, потом защита Южной усары от банды ралхов, вместе с Якрой и Раканой. Дальние усары и крепости, ночёвки в горах и лесу, наёмники, ралхи, золото и дороги, дороги, дороги...

Двенадцать лет прошло с того дня, как она покинула родной посёлок у перевала Кунач. Двенадцать лет...

Убрав недовязанную безрукавку в мешок, Урнала снова недовольно покосилась на спящую Мриту.

— Кто-то должен... — пробурчала она, отвернувшись к стене и попыталась уснуть.

Не спалось и пуме. Изведённая блохами да урчанием в собственном

животе, Ракана встала и подкралась к сидящей возле очага импале.

— Не спишь, рыжая?

— Теперь нет.

— И я не сплю, — пожаловалась пума. — Жрать хочется, сил нет. Точно помню, что где-то была рыба и сухари.

Импала выбралась из пледа, первым делом пощупала повязку на бедре, не намочила ли, затем встала и прокралась в угол, где лежал её мешок.

— Ракана.

— Чего?

— Глянь.

Кайла протянула ей мешочек с матаром.

— Толку-то, — поморщилась пума.

— Огонь разводить нельзя.

— Можно, пока Урнала спит.

Импала принялась шарить в мешке, в поисках огнива и трута. — Где святильник, что мы нашли у псов? Давай сюда.

— Жутковато как-то... — пожаловалась пума, когда Кайла зажгла масляную лампу.

— Костерок здесь разведём, — она указала на пространство между стеной и столом.

— А дрова?

Пума задумалась, но тут её осенило.

— Скамья!

Импала покосилась на спящих, почесала ухо и шепнула Ракане:

— Дай-ка тот топор.

Ещё раз с сомнением посмотрев на завернувшуюся в плед козу, импала собралась духом и храбро примерилась к ближайшей скамье.

КРРРАК!

— Бурнулись?! — всполошилась Урнала. — Кайла, ты что творишь?

— Дрова...

— Я сама из тебя сейчас дрова сотворю! — кипятилась снежная коза.

— Удивляюсь, как до сих пор сюда вся Тьма Гиязи не сбежалась?! Одна скулит во сне, вторая дрова творит, третья... Ой, берегись!!!

Казалось, он вырос прямо из тени за спиной Кайлы! Невысокий крепкий ликаон в чёрном салакаше, с длинным боевым ножом в руке. Антилопа, не оборачиваясь, без размаха, всадила ему рукоять топора в живот. Пёс сложился вдвое и, выронив нож, повалился на пол.

— Мрита, ликаон!!!

Олениха вскочила, но тяжёлая ступня в рваном чукаше придавила к полу рукоять секиры вместе с пальцами. Мрита взвыла.

Топор Кайлы опустился на лежащего пса.

— Мрита, я иду!

Ликаон уже кулём валился на олениху, и в горле у него торчала совня Урналы.

В дальнем правом углу кого-то самозабвенно потрошила Хаар.

— Р-р-р-а-х!!! Двое! —

Что-то тяжёлое придавило Мрите ноги.

— Долго возишься, Кайла! —

— Отлезь, кошка!

Мрита сбросила с себя дёргающегося в агонии пса, ногой отпихнула обезглавленное тело второго и вскочила.

Посреди зала, в дрожащем пятне света от чудом уцелевшего в передряге светильника, друг против друга стояли Кайла и свирепый с виду, тощий лис в зелёном салакаше. Лис был вооружён кистенём — увесистая каменная гирька на кожаном ремне. В руках у импалы был тяжёлый боевой топор.

— Может, помочь? — насмешливо спросила пума.

— Ему, — ответила импала.

И тут лис ударил! Тускло сверкнуло лезвие топора, затем позади Кайлы

об пол звонко щёлкнула отсечённая гирька кистеня, а после взвизгнули. По его правому предплечью обильно полилась кровь.

— Падаль рыжая!!! — в левой руке лиса появился охотничий нож.

— За падаль.

Теперь широкое кровавое пятно быстро расплзлось по его левому бедру.

— Ну? — импала была ужасающе спокойна.

Что-то прогудело мимо левого уха Мриты и с сухим треском впечаталось лису промеж ушей. Тот мигом погасил горящие ненавистью глаза и воткнулся носом в пол.

— Хватит лисичку мучить! — строго сказала импале Урнала, поглаживая рукоять совни.

— Пятеро, — сосчитала тела гиена.

— Надо их прибрать... — Кайла указала на трупы, которые обыскивала росомаха. В углу уже стояла приличная лужа крови. — Откуда они взялись?

— Вот откуда.

Задняя стена очага оказалась сделана из гранитного жёрнова, высотой в рост. Жёрнов свободно катался по глубокому жёлобу, вырубленному в каменном полу.

Урнала посмотрела на него с недоверием.

— Ещё упадёт!

— Не упадёт. — Ракана толкнула жёрнов ладонью, и тот со зловещим гулом откатился прочь.

— А здесь уютно, — подала голос гиена. — Тащите сюда лиса и дверь закройте. Живее.

Олениха подняла стоящий на полу светильник и с опаской шагнула за потайную дверь. За ней последовали Урнала, Кайла и Хаар с лисом, которого волокли по полу, будто мешок.

Огромная глыба, заменявшая дверь, с рокотом, от которого задрожал пол, встала на место.

— Дай, — Урнала отобрала у Мриты светильник и попыталась зажечь висящий на стене грубый железный фонарь. Толстый закопчённый фитиль горел нехотя, почти тлел, едва рассеивая мрак. Тревожно заворчал приходящий в себя лис.

— Хаар, держи ему ноги.
Вовремя.

Пленник, всхлипнув, судорожно сжался в комок, оттолкнулся от стены, вскочил и, получив от росомахи кулаком в лоб, покатился к ногам Кайлы. Импала сгребла лиса за капюшон, приподняла над полом и съездила коленом в челюсть. Тот, звонко лязгнув зубами, опрокинулся навзничь.

— Держи его, Хаар.

В руке Кайлы появился нож.

— Помнишь того ралха из пустоши Хрольма, Якра?

— Помню, — ухмыльнулась гиена. — Начинай.

Всё случилось быстро. Слишком быстро. Оглушённый лис изумлённо проводил взглядом собственное ухо, летящее в разинутую пасть гиены и, лишь почувствовав густой горячий поток, прожжённый его мех на затылке и шее, хрипло заорал. Хаар ударом в правый бок сбила ему дыхание.

— Жёсткое, — пожаловалась гиена.
— Давай палец.

— Прекратите! — не выдержала Мрита и оттолкнула импалу.

— Опять за своё?! — Урнала больно ущипнула гиену за короткий хвост.

— А чего...

— А ничего! Кайла!

— Чего?

— Сейчас как бодну в нос, сковорода ушастая, будет «чего»! Я лиса этого тебе на потеху глушила?! — шипя, наступала Урнала на импалу. — Дай сюда!

Урнала отобрала у Кайлы нож и обернулась к лису. Тот оторвал ла-

донь от кровоточащего обрубка на месте левого уха и визгливо зарычал. Урнала точным броском всадила нож в край деревянной полки для фонарей, как раз над многострадальной лисьей головой, подошла к нему плотную и угрожающе прошептала.

— Глаза выну. Пальцами. Говори, что вы тут с Гиязи учинили, а не то...

Она протянула руку, и лис, пискнув от ужаса, повалился на бок.

— Ни-ничего мы не учинили! — скороговоркой заверещал он. — Я только клетки строил!

— Да не ори ты! — рывкнула на него пума. — Кто и как захватил крепость? Выкладывай!

Лис, однако, ничего выкладывать не спешил. Тяжело, с присвистом дыша, он бессмысленно таращился то на Ракану, то на Урналу.

— Чего глаза пучишь, жаба рыжая! — не выдержала снежная коза.

Сама не зная зачем, Мрита протянула лису свою флягу и бросила ему на колени несколько сухарей.

— На кой это делать! — возмутилась Ракана. — Всё равно ведь нарежем.

Лис, казалось, не слышал её слов. Пленник надолго припал к фляге, а после жадно хрустел сухарями.

Все терпеливо ждали.

— Только сразу предупреждаю, — заявил пленник, прожевав и отдышавшись, — я в штурме не участвовал!

— Вы сговорились, что ли? — возмутилась Ракана. — Кайла не участвовала, этот не участвовал! А кто участвовал?! — пума грозно нависла над съевшимся лисом.

— Зараб и его сотня, — опасливо косясь на пуму, выговорил тот.

— Зараб? — вздрогнула гиена.

— Я знаю Зараба, — помолчав, произнесла импала, — здоровенный ибекс, псы в сотне ему под стать.

— «Галазгахар», — продолжал лис, — они называли себя «Галазгахар».

— С олорского это значит «Бешеные», — перевела снежная коза. — И как же они захватили Хортаг?

— Не видел, — мотнул головой лис. — Но управились лихо. К утру мы уже выносили из крепости мёртвых волков.

— Что с Хангаром? — быстро спросила Мрита.

— С конунгом, что ли? — лис неопределённо развёл руками. — Говорят, убили в самом начале штурма. Тела я не видел...

— Сам-то как сюда попал? — грозно надвинулась на лиса пума.

— Как и Галазгахар, через водовод, — трясясь, отвечал лис.

— Через водовод, значит, — ухмыльнулась Ракана. — А откуда про этот водовод узнали? Говори!

— Да не знаю я! — взвыл лис. — Гиязи с Зарабом у меня советов не спрашивают! Сказали идти, я и пошёл!

Ракана обернулась к Урнале и пожала плечами.

— Пускай про измену и бунт Ягморт сам выведывает, — сказала пуме снежная коза. — Тут мы ничем ему не поможем.

Урнала схватила лиса за морду и развернула к себе.

— Башню зачем повалили?

— Я не знаю. Когда я сюда пришёл, башни уже не было. И вообще, я к башням и не совался. Мой дец отправили обустраивать зал, тот, что выше, — лис указал большим пальцем на потолок. — Тут-то и началось!

— Что началось? — переспросила Ракана.

— Если б я знал! — развёл руками лис. — Даргу койоту голову по плечи оторвало, Гелзи грудину разворотило... В общем, рванули мы оттуда в зал, где чаша и ворота, а там уже другой сат, которым Бераг командовал...

То есть, то, что от его сата осталось! Кто уйти успел...

— Откуда уйти? — Урнала подсела к лису. — Ты по порядку давай.

— Я и так по порядку, — закивал лис. — Пока «Галазгахар» выбивал из-под башни волков, псу Берагу дали два деца и приказали найти ход в покои конунга. Тот и пошёл...

— Ну?!

— Что, ну! Полтора десятка вояк мы потом со стен соскабливали. Трёх вообще в виде меховых ковриков принесли...

— Это как?

— А так!!! — вдруг взвизгнул лис. Мрита заметила, что руки пленного здорово дрожат.

Коза и пума переглянулись, посмотрели на импалу, та покачала головой.

— ...берёшь его... — трясясь, бормотал лис, — а у него из пасти и глаз труха бурая сыплется... а шкура целая... хоть хурку шей...

Мрита медленно осела на пол.

Кайла протянула руку и ладонью коснулась морды лиса.

— Горячий...

Лис оттолкнул руку импалы.

— Я в порядке! Гурх после рассказывал, что сначала тихо, потом по полу прокатилось что-то, будто болванку литую толкнули... потом в ушах... — лис болезненно поёжился, — ...будто медведь тебе по ушам дал... Гурху повезло... Гурх вообще везучий! Он в какой-то коридор успел заскочить, почуял, значит, неладное... А остальные... Поднял я его, а у того труха бурая вместо костей и мяса из пасти... и из глаз...

Снежная коза погладила лиса по дрожащей спине и тот умолк.

— Ну ничего себе... — подала наконец голос Кайла.

— Потом пришёл Зараб и сказал, что Ползучая Тьма посетила Хортаг,

— продолжал пленный, — «Галазгхар» здорово потрепали волки, те, что уцелели. Мы очень боялись, что нас тоже пошлют в нижние ярусы, но Зараб повёл туда своих сам. Добивать волков отправили три деца из сата Бара, а нам повезло... Мы строили гадский птичник и...

— Что строили? — переспросила олениха.

— Да есть тут одна... — проворчал лис. — На неё вот, похожа, — он указал на Кайлу. — Её Гиязи притащила откуда-то с востока. У неё ручные орлы...

— Айра? — нахмурилась импала.

— Не знаю, как её зовут, но девка люта! — лис ухмыльнулся. — Шакал Билах как-то решил пощупать, что у неё в хараше, так она ему восемь зубов выбила.

— Айра, — уверенно произнесла Кайла.

— Потом рассказывали, что её птахи сбросили с башни Хортага четырёх лучников.

— Ты знаешь её? — тихо спросила Мрита импалу.

— Встречались...

— Так что там про птичник гадский? — напомнила лису Урнала.

— Да ничего. Мы сделали несколько клеток, а потом я сказал своим, что неплохо было бы удрать. Все согласились... Три дня здесь отсиживались. Потом вы...

— Птичник, значит! — вспомнив что-то важное, Кайла спешно нашарила лежавший у стены мешок и выудила из него отрубленные орлиные лапы.

— Что это? — нахмурилась гиена. — Верёвки какие-то...

Протянув руку, она коснулась стягивающего орлиные лапы короткого ремешка, сплетённого из мягкой кожи.

— Горе нам, если в крепости с пятаков таких бойцов, — покачала рогатой головой Урнала.

Пума уставилась на Кайлу и, не дождавшись ответа, отобрала у неё орлиные лапы и зашвырнула их в темноту.

— Значит, волки живы, — задумчиво проговорила Урнала. — Сколько их там?

— Не знаю, — буркнул лис, зажимая кровоточащее ухо.

— Странно всё, — заметила Мрита, — зачем ломиться в башню через главный коридор? Через двор чего не подобраться?

— Ты чем слушаешь? — огрызнулся лис. — Я ж говорю: кто нос наружу высунет — тому сразу смерти!

— Арбалет?

— А, шакал его ведает?! Похоже...

Урнала обернулась к остальным.

— Если наши утром на стену сунутся... — ахнула Мрита. — Они же не знают!

— Не сунутся, — успокоила её импала. — Хаар уже побежала им навстречу.

— Одна?! — вытаращилась Урнала. — Вы рехнулись?!

Кайла со вздохом закатила глаза.

— А то ты Хаар не знаешь! Иди, попробуй её вернуть!

Коза обхватила голову ладонями, затем яростно потянула себя за бороду.

— В могилу меня сведёте!

— Да ладно тебе, Урнала, — попыталась успокоить её гиена. — Кто с этим справится лучше Хаар?

— Тот, у кого язык есть, мешок ты зубастый!

— Ничего с росмахой не случится, — махнула рукой пума. — Лучше давайте думать, как волкам помочь.

— Лишай с поносом им в помощь! — от души выругалась снежная коза и обернулась к тревожно хрустящему сухарём лису.

— Сколько там рябых?!

От неожиданности лис подавился,

и Мрите пришлось как следует врезать ему кулаком промеж лопаток.

— Половина сата была... — выдавил он наконец, растирая кулаком слезящиеся глаза.

— Полсотни рябых из «Галазгахар», — покачала головой Кайла. — Может, ну их, волков этих?

— Я обязательно передам твои слова Ягмарту, — пообещала импале Ракана.

Урнала посмотрела на Мриту.

— К башне можно подойти либо через двор, либо коридором, что под Лабиринтом Хоргиса. Другой дороги не знаю, — помолчав, ответила олениха.

Ракана взяла фонарь и подняла его повыше, осматриваясь.

— Это мы внутри стены, что ли? Отсюда есть другой выход, кроме очага?

Кайла пнула в бок погружённого в скорбные мысли лиса.

— Есть! — очнулся тот. — Во внутренний дворик, где колодец. Вон в том углу дыра в полу.

Пума тотчас осветила закуток фонарём.

— Дыра, — подтвердила она слова лиса.

— Волки его потайным двором прозвали, — вспомнила Мрита. — Колодец там точно есть, а вот выход...

— Значит скрытно к башне никак не подойти? — спросила олениху Урнала.

— Если только через главную галерею Хортага, — развела руками Мрита.

Где-то глубоко в подземельях крепости раздался далёкий грозный гул. Задрожали пол и стены. Все переглянулись, а затем посмотрели на лиса, но тот бессмысленно таращил круглые от страха глаза.

Урнала присела у стены и некоторое время угрюмо молчала, пробуя

пальцем остроту лезвия своей совни.

— Надо ждать Ягморта, — наконец произнесла она. — Если идти через двор, то только с ним. Его-то арбалетчик наверняка узнает и...

Крепость качнуло. С потолка густо посыпался песок, вздрогнуло пламя в фонаре, по стенам заметались тени, а когда гул и дрожь стен унялись, стало слышно, как громко стучит зубами насмерть перепуганный лис. Обернувшись, Ракана смерила его недобрым взглядом, с рычанием сгребла опешившего лиса за ворот и крепко встряхнув, прижала к стене.

— Уверена, что рассказал ты нам не всё! Молчишь, лисёнок? Ничего, я твой язык гиене в последнюю очередь скормлю. Что ещё за Тьма Ползучая?! Говори!

— Ракана, заткнись! — внезапно рявкнула импала, и пума от неожиданности уронила лиса. — Слушайте! Слушайте...

В тишине, поглотившей голоса и шаги, стало слышно, что буран, грозивший замести Хортаг снегом по самые башни, утих, но, сколько Мрита ни напрягала слух, понять, что встревожило импалу, она не могла. Олениха, по примеру Кайлы, опустилась на четвереньки и прижалась щекой к стене.

И тогда, сквозь толщи каменных перекрытий и сводов, до её уха донеслись размеренные удары, далёкие и глухие, будто там, в глубинах подземного озера Мелор, после долгих лет покоя, ожило и забилось чёрное ледяное сердце Хортага... или брёл широким кольцевым коридором самого нижнего яруса явившийся ей в Агосаре зверь без голоса.

Кельт

zebra555@mail.ru

«А завтра будет?»

В этом году, Мантс предложил нам немного провокационный текст, повествующий о событиях, происходящих в стороне от основных арок мира «Азеркина». Это необычный и новый взгляд на законы и нравы описанного мира и как по-разному они могут повлиять на поведение и судьбу каждого его жителя. Познакомиться с основными арками истории можно в группе автора в ВК.

Был бал, и парни выстраивались в очередь только за тем, чтобы сделать ей комплимент и поцеловать её руку. Она сама выбирала, с кем танцевать, и все воспринимали это за честь. Танцующие расступались, освобождая центр зала, музыканты подстраивались под её настроение, и все остальные девчонки завидовали лютой завистью — в одном помещении с ней они переставали быть желанными, и их кавалеры отворачивались, чтобы поймать её взгляд.

Поманив самого симпатичного взмахом ресниц, она приняла приглашение на танец. Он был обходительнее прочих, красив, безупречен в манерах, и источал такую уверенность, что уже она сама начала таять в его руках, и почти не заметила, как повела его из зала к себе в покои, и он страстно прильнул горячими губами к её шее, и дальше...

Сара проснулась, трясаясь от напряжения. Слишком яркие сны, слишком яркие желания. Не стоит читать дешёвые дамские романы в таких количествах. Лежать в кровати в пижаме было душно и жарко, и она выбралась из-под одеяла. Стало чуточку легче, но образы из сна всё ещё не отпускали её. Она глянула направо, через всю комнату — Зак ещё спал, укрывшись лёгкой простынкой. В комнате было по-утреннему светло, а разрушенная во вчерашней ссоре ширма кусками валялась на полу — закономерный итог каждой её попытки отгородить себе большую часть комнаты и выжить брата. На этот раз

она не давала ему вернуть ширму на середину, упираясь в бумажные стенки, а потом, когда Зак продвинул невесомую перегородку сквозь львицу, доломала об него оставшееся, за что схватила пощёчину.

Так что отгородиться теперь было нечем, и снова никаких секретов и приватности. Не переодеваясь из пижамы в домашнее, Сара достала из прикроватной тумбочки тетрадь и стала записывать сон, чтобы ещё раз всё вспомнить в деталях и пофантазировать. Но чем больше она писала, тем больше бросалась в глаза реальность, где фантазии не сбываются, и это злило и выводило из себя. Что толку вспоминать сон, в котором ты любима и свободна, если в реальности семья тебя ограничивает во всём? Выражение её мордочки сменилось вслед за мыслями, и, когда через страницу звук дыхания в комнате сменился, Сара услышала сиплый ото сна голос:

— Что, опять строчишь план мести? Что на этот раз придумаешь? Слюна панголина в угощение, уведёшь его в лес и порвёшь на себе одежду, или будешь болтать про тесную дружбу с Найтелом и Тейгаром и их совместные ночи?

— Не твоё дело, брат.

— Может и моё, если хочешь моему другу зла, — Зак потянулся на кровати, сладко зевая, и простынка сползла с груди на живот, открывая светлую шерсть, — слушал ваши планы с подругами, все уши повяли.

— Ах ты гад! — Сара швырнула в

него подушку, но комната всё же была больше, чем казалась.

— Недолёт, слабачка.

— Подними!

— Сама поднимай, нашла прислугу. И мусор со вчера убери.

Сара закипала от злости. Утро явно не задалось, и присутствие брата бесило всё сильнее. Лежит и говорит, вместо того чтобы одеться и уйти, будто бы это она сама должна покинуть комнату, чтобы переодеться. Самое поганое, что родители уже перестали обращать внимание на их ссоры, как и живущие с ними дедушка с бабушкой — каждый в отдельной комнате, так как разругались в хлам много лет назад. И только ей не досталось помещения, и приходилось жить с братом. Отдушина была — Зак раньше уезжал с отцом, но, став учеником волшебников, почти перестал отлучаться дольше, чем до вечера.

А ещё стоимость ширмы снимут с карманных денег, а то и того страшнее — выгонят подрабатывать. Если не сделать это виной брата. Тогда платить будет он.

— Мусор? Это ты про перегородку, которую сломал? Думаешь, тебя за это похвалят, дикарь? «Это положение нарушает приличие, молодой человек! Юной леди нужна приватность», — изобразила она голос матери.

Зак скорчил рожу.

— Мне тоже не помешала бы приватность, знаешь ли.

— Так что ты тут разлёгся и лежишь? Взял и вышел отсюда!

— Поменьше бы ты боялась родителей, а гуляла бы с парнями, меньше бы бесилась, истеричка. Когда тебя уже раком кто-нибудь поставит, охота пожать руку герою...

— Ах ты... — львица метнулась к нему и в три прыжка подлетела с выпущенными когтями, ударить по морде. Но Зак поймал её за запястье,

даже не вставая с кровати, и крепко сжал.

— Плохо.

Вторая рука следом попала в замок, и на морде Зака появилось скучающе-спокойное выражение.

— Очень плохо. Раньше ты не стремилась меня ранить.

Сара задрала ногу, чтобы лягнуть его не то в живот, не то в шею, но брат дёрнул её руки на себя, и львица полурухнула, полусела ему на торс. Нога оказалась тут же зажата подмышкой и придвинута к стенке. Бесполезное ёрзанье и дёрганье в попытке освободиться, укунуть или ударить закончилось лишь ещё более неудобной позой — сидящая верхом, прижатая к груди, с вытянутой вперёд ногой и с щитом из собственных рук, не в силах укунуть или поцарапать, она могла лишь дарить пылающий ненавистью взгляд, да мо-

тать от злости хвостом, стуча по его ногам. Такой же злой, но холодный взгляд жёлтых глаз был ей ответом. Постепенно, до Сары стало доходить.

— Если я «развалился и лежу», — тихо прошипел Заккори, — то на это есть причина, и заключается она в соблюдении приличий, которых ты требуешь.

— Я... — Сара не знала, шевелиться ей или нет, и на всякий случай замерла. Только хвост касался хвоста и ног Зака, но задрать его в данный момент было бы ещё хуже — любое движение бы подтвердило догадку. Брат был достаточно сильным, чтобы хоть сейчас швырнуть её на пол, и атаковать его за то, что сама оказалась в неудобном положении, было глупо. Живот под ней вздымался от дыхания и был горячим и твёрдым, сквозь тонкую ткань она ощущала рельеф мышц и лёгкую пульсацию, что отдавалась в теле волнами жара и холода.

Зак втянул носом воздух и, поморщившись, ослабил хватку.

— Уходи. Даже не думай об этом.

— Ты...

— Иди умойся. Натяну верёвку и отгородимся шторой, а потом хоть капитальную стену. Что ж нам её раньше не сделали? Пошла! — он приподнял её на руках и не без осторожности скинул на пол, после чего поднялся сам и натянул штаны, всё время держась спиной. Хвост его метался из стороны в сторону, и выпущенные когти цеплялись за ткань. С пылающими щеками Сара ретировалась в ванную.

Зак не ночевал дома три дня и вернулся слегка помятым. На взгляд матери бросил «учёба, завтра выходной» и ушёл мимо накрытого стола наверх, в комнату. К его удивлению, прикрученные крепления для верёвки и старая штора были на местах.

Видимо, Сара понимала, что дырявить стены по пять раз в неделю никто не даст.

Лев глянул в окно — в доме наискосок горел свет, но комната Руха была темна. Зря ждал его на утёсе целый час — он ещё не вернулся из путешествия. Всё же грифон сильнее, чем кажется — Заку хватало совсем немного, чтобы вымотаться, а Рух сразу пропадал на целые дни.

На столе нашёлся листок бумаги, и через минуту лёгкая тележка покати-лась по леске к соседнему дому. «Я завтра сплю, но ты заходи. Вытащишь на ночь — выручишь», подпись и дата. Чувствуя себя слишком уставшим, чтобы дальше думать, Зак едва разделся и рухнул спать.

Проснулся он от прикосновений. Было позднее утро, как в прошлый раз, домашние должны были расползтись по делам, и Сара ловила момент — присела к нему на край кровати и осторожно гладила гриву.

— Чего тебе? — проворчал Зак недовольно, стряхивая с себя руку львицы. — Я сплю.

— Где ты был?

— У драконов. И уйду ещё.

— У тебя нет подружек в Подгорном?

Зак поморщился от умственного напряжения. Говорят, после пробуждения человек даёт ответы честнее, чем обычно, но, видимо, это не работает с теми, на кого зол. Только хочется честно и от души обматерить.

— Говори прямо, что от меня хочешь, или отстань до вечера, — посмотрел он хмуро, но не произвёл никакого впечатления на младшую. Она всё так же спокойно сидела и свети-лась заботой.

— Поговорить. Ты такой напряжённый.

Зак зарычал.

— Депривация сна считается пыт-

кой и плохо влияет на соображалку. Хочешь, чтобы я съехал быстрее — дай мне выспаться, я научусь всему, что нужно ещё к зиме, и свалю на год раньше, чем должен.

— Дурак, — фыркнула Сара, и вышла из комнаты. Фелин услышал, как она шумно протопала по ступеням и пошла греметь посудой на кухню. Дёргая хвостом в такт каждому бряку, Зак попрощался с надеждой выспаться.

К вечеру Руха не оказалось дома — ещё не возвращался. Зак вздохнул и отправился гулять по окраинам: идти домой не хотелось, а девушки в Подгорном действительно не было. Если встречаться со львицами или мулатками в городах, где останавливается отец, то можно нарваться на тайного родственника, и будет очень неудобно. А тут ещё родная сестра едет крышей.

Сосна, конечно, выслушала просьбу помочь ему с комнатой в гостинице или пансионе, как только таковая появится, но ничего не предоставила на сегодня — в городе был наплыв гостей и туристов, а целый домик был Заку не по карману.

— Я знаю, что у тебя дома нездоровая обстановка, характерная для семьи гостей этого мира, но считай это своим экзаменом на гражданина. Ты должен поступать правильно в любой ситуации, иначе вряд ли станешь стражем. Граждане выручают друг друга, и я помогу тебе, как только появится возможность, но не ожидай от меня работы в ущерб закону, себе или будущему города — скидок на дорогое жильё я не дам без согласия совета.

Советник строго посмотрела на молодого фелина и быстро черкнула что-то на маленьком листочке.

— Сходи пока на внеплановый медосмотр, если совсем плохо, настоль-

ко, что подтвердит врач, то сможешь поспать в палате.

Причина раздражительности, в принципе, читалась и так — недосып, переутомление и долгое нахождение в городе. Или, точнее, недостаток девичьих ласк. Вот только прописанный домашний режим тут не поможет — дома покоя нет. Смотаться отдохнуть? Вариант... Если других не будет. Отцу плевать, мать не станет слушать и будет защищать дочку. А та подчёркнуто любезна и демонстрирует любовь и заботу к брату, за ужином чуть не стошнило от её приторной обаятельности.

Хорошо Руху, что он её послал. Мог бы и навалить ей попутно для профилактики. Хотя кто знает, что у них там на самом деле было.

Зак вернулся, когда все уже разбрелись по комнатам и готовились ко сну. Сполоснул лапы перед домом, тихо поднялся по лестнице и просочился к себе. Горела настольная лампа, бросая тень на занавеску посреди комнаты, свёрнутую у стены. Фелин закрыл дверь и глянул направо — Сара читала очередной дамский роман.

— И о чём ты хотела поговорить?

— Давай потом.

— Тебя разбудить в пять утра, перед уходом?

— Как низко, падаешь до моего уровня.

— Мне до тебя далеко. Я всего лишь вежливо интересуюсь, чтобы тебе не пришлось огорчаться и давать спросты злые ответы.

— Спокойной ночи, Зак. Отдыхай.

— Снов, — фелин ушёл на свою половину. Что ж, кажется, всё нормально. Не хуже, чем обычно.

— Как ты себя чувствуешь? — голос Глена проникал в самые дальние

уголки сознания, а взгляд изумрудно-зелёных глаз видел всё.

— Хорошо. Готов продолжать обучение.

— Ты не сможешь, не прервав эту цепочку беспокойства. Дай-ка помогу.

Зак почувствовал, как на душе стало легче, появились новые силы и какая-то уверенность, что можно быть спокойным — всё будет так, как надо.

— Спасибо. Как ты это сделал?

— Научишься. А пока не бери на себя слишком много. Некоторые проблемы должны решаться специалистами, твоя забота только адресовать их.

Рух вернулся утром и отсыпался весь день, так что когда Зак заглянул к нему вечером после обучения, тот только завтракал, но делал это капитально.

— Присоединяйся, — махнул рукой пернатый.

— Спасибо, — улыбнулся лев и тряхнул пшеничной гривой, — только руки сполосну.

После чая со сладостями друзья отправились погулять по прохладным улочкам, где сумерки смешивались с ветками деревьев и стучали по головам почти созревшими яблочками, и Рух рассказывал, что ему показал Мрак в других мирах, и как сложно поддерживать свою форму. Особенно когда ты остаёшься один.

— У бесхвостых столько мимических мышц, что я иногда терялся и выглядел как даун. Только глаза и брови занимались делом. Уши парализованы, а вместо клюва представлять и анимировать всё это... — грифон посмотрел на друга и осёкся, — хотя да, не только у бесхвостых. Ты таких проблем, наверное, не встретишь.

— Кто знает, куда заведёт меня

Глэн. Может, у него есть интересы в мире головоногих моллюсков, где наша анатомия вообще бесполезна, и будем учиться с нуля бескостному телу. Но ты прав, я ещё не научился поддерживать полное воплощение дольше трёх секунд. Зато с частичным справляюсь лучше.

Зак похлопал Руха по плечу фантомной рукой и тот с улыбкой обнял в ответ призрачным крылом, ловя львиный хвост своим.

— Попробуй сначала низкую детализацию и без одежды. Потом просто одежду поверх себя. По кусочкам.

Зак ответил:

— Я так и делаю, спасибо. Слушай, давно хотел спросить. Что именно у вас произошло с Сарой?

Рух пригнул уши и отдернул хвост, даже слегка ссутулился.

— Сплошной стыд. Ты же и так догадался обо всём, нет?

— Ты, судя по всему, вышел сухим из воды, а она с этого люто бесится. Если не ошибаюсь, даже хотела тебя отравить или избить с подругами, но увлечённо придумывала всё новые планы мести, не останавливаясь на чём-то конкретном.

— Ого. Мне опасаться за свою шкуру?

— Надеюсь, нет. Она ещё отчасти ребёнок, много дурачится и мало делает. Так что именно было?

Рух скривился и посмотрел Заку в глаза.

— Она подделала твой почерк, заманила меня в дом, закрыла комнату и выбросила ключ в окно. Угрожала, что будет обвинять меня в попытке изнасилования, если не возьму её прямо там и не стану её парнем, решая все её проблемы и исполняя капризы.

— Воу, — фелин покачулся, — не ожидал от дурочки такого коварства. Ты её что, в итоге, раздражил?

— Нет, скрутил и впечатал мордой в кровать, а потом объяснял, как она не права. Она даже торговалась, пока я её не сломал, так что отдала второй ключ от двери и отпустила с миром. Я даже перестарался, пришлось немного утешить и дать ей проплакаться. А дальше ты видел.

— Даа... — Зак хлопнул Руха по плечу и прижал к себе, — ты правильно сделал. Прости, мне неловко, что у меня такая сестра. Не завидую тому, кому она достанется. Хотя если так пойдёт, то на права человека ей не сдать, и приват депортация в Родной.

— Я никому об этом ещё не говорил. Максимум, расскажу Лизабет, — последняя фраза прозвучала слегка вопросительно.

— Да, если Бэт захочет это знать. Ей не привыкать лечить наши раны. Я иногда думаю, что не таскай она всё детство аптечку для наших ссадин, не пошла бы заниматься лекарствами.

— Я бы не удивился, увидев её хирургом, — Рух покосился на шрам на руке Зака, оставшийся от сломавшегося меча. Лизабет тогда наложила отличные швы прямо на ролёвке, во время турнира. Фелин поймал направление взгляда.

— Кстати о мечах. Зарубимся?

— С удовольствием.

— Дни шли как обычно. Сара включала показную любезность, но наедине не пыталась нападать, лишь держала фоновый уровень противности. Занятия пока не требовали вылазок больше, чем на день, и каждый вечер Зак возвращался домой.

— Ты теперь без ночёвок, да? — спросила Сара за ужином.

— Пока да, а что?

— Хотела пригласить подруг на ночь.

— А сама к ним в гости?

— Уже была, пока тебя не было. Моя очередь принимать гостей.

— Я пока не знаю. Мама, когда папа вернётся?

— Дня через три.

— Значит, дней через шесть могу оказаться с ним в поездке, если сопадёт с моими выходными. Тогда развлечёшься.

Сара поблагодарила, но про себя подумала, что ждать слишком долго.

— А получится раньше?

— Не от меня зависит. Или ты уже договорилась на какую-то дату?

Львица вспыхнула.

— За кого ты меня принимаешь?

— Ты и раньше так делала.

— Заккори! — вступилась за внучку бабушка. — Нельзя указывать людям на прошлые недостатки, тем более, родной сестре.

— Как же ей тогда стать лучше и оставить плохие качества в прошлом? И кто кроме меня?

Тем же вечером в комнате Сара снова подняла тему.

— Ты же можешь остаться там, если захочешь? — бросила она вопрос через комнату, откладывая потрепанную девчачью книжку.

— То есть дату ты уже назначила, — сказал лев, перебирая рюкзак.

— Думай, что хочешь.

— Я бы с радостью провёл ночь где-нибудь ещё, если бы мог там отдохнуть. Но ночи у стражей — это упражнения, и после них нужно спать и восстанавливаться. Отгородитесь занавеской, и все дела.

— Ты опять будешь подслушивать!

— Тогда вы собирались днём, пока я учил теорию. Даже уйдя в сад, слышал ваши смех, визг и голоса, рассказывающие тайны. Сложно не слышать, — хмыкнул Зак.

— Вот именно, что днём. А на ночь их не отпускают, если ты будешь в комнате.

— Раньше отпускали. Просто тебе будет совсем не то, вы будете напряжённо молчать, пока я не уйду спать на кухню.

— И тебе в радость портить мне удовольствие?

— Нет, — фелин встал и дошёл до натянутой верёвки. — Я и сам хочу побыть один, но ты ещё реже бываешь не дома и постоянно крутишься возле меня. Даже в туалете не посидишь, возникаешь за дверью. Так что сижу на своей половине и притворяюсь, что тебя тут нет. Задёрни шторы и чувствуй себя свободно.

Сара зарычала.

— Ага, сделала вид, что это только твои вещи пропахли самцом, а ты тут ни при чём. Может, для бесхвостых это работает, но в комнате воняет с каждым днём всё сильнее.

— Не только мной. Ты тут чаще сидишь — проветривай.

— Так мы вконец рассоримся, — вздохнула Сара и опустила взгляд.

Зак опешил от неожиданного отступления. Но сестра действительно не пыталась устроить скандал. Лев втянул когти и расслабил мимические мышцы — морда приняла непривычно нейтральное выражение, которое он уже успел забыть.

— Ты права. Надо съездить к девушке, да. А тебе — найти себе парня.

— Вы с Рухгертом мастера давать советы. Как будто бы это так просто.

— Это не сложно. Я могу подсказать, но чуть позже — сейчас мы оба на взводе и я могу прозвучать обидно или оскорбительно, и на пользу это не пойдёт. Захочешь — спроси потом в любое время.

Зак постоял немного, развернулся и ушёл к себе. Ясно, что хотелось к девушке. Вот только к какой? Был один способ очистить сознание от похоти и понять, кто действительно нравится, а что просто наваждение

от гормонов, но не будешь же это делать при свидетелях, когда тебя могут увидеть, услышать или почуять.

Засыпая, Зак решил, что возьмёт завтра палатку и поселится на склоне горы, недалеко от Врат.

Он проснулся от горячего веса — в комнате было темно, часа два ночи по внутренним часам. Сара приложила палец к его губам, сидя почти как в то утро — на его животе, склонившись на грудь, прижавшись, чтобы он не подцепил её ногами и не отбросил в сторону.

— С ума сошла? — прошептал Зак, соображая, что чувствует, и не пора ли заорать, если он вдруг ко всему окажется связанным. Сара покрепче вцепилась в широкие плечи, слегка выпустив когти.

— У тебя далеко резинки? — пощекотал его ухо горячий шёпот.

Лев вскочил на ноги, отрывая от себя сестру, но стало только хуже — она лишь сползла к низу живота, а её руки и ноги сплелись за спиной Зака в замок, когти вонзились в кожу, и оторвать её от себя стало просто невозможно. «Надо было извернуться под ней» — мелькнула запоздалая мысль.

— Не шуми, — пощекотала она его ухо вибриссами, — нет, так нет, решим вопрос мирно. Не дави мне на рёбра, не оторвёшь, а синяки нужны только чтобы обвинять тебя, если будешь бякой. Вот так, — она прижалась сильнее, стоило ему убрать руки, и слегка подтянулась на нём, — можешь меня подхватить, будет удобнее.

— Долго... придумывала? — тяжело выдавил из себя Зак.

— Так что? Хочешь внести свой вклад в моё «усмирение»?

— Даже не представляешь, как, — дрожа от напряжения, прошептал фелин.

Сара довольно фыркнула, когда его руки подхватили её под рёбра.

— Не хочешь взять поудобнее?

— Нас заметят и обоим конец. Не услышат, так утром почуют.

— Тут и так хоть топор вешай.

— У меня нет при себе ничего, если ты серьёзна.

— А завтра будет?

Зак сглотнул.

— Будет.

— Обещаешь? — Большие чёрные зрачки и лёгкая предвкушающая ухмылка, стыдливый блеск глаз. Закрой глаза, чтобы отвлечься, и только сильнее почувствуешь прикосновения и запахи тела, и то, что всего пара движений, неважно, чьих, и мир не будет прежним.

— А ты дотерпишь до завтрашней ночи? — ответил Зак вопросом на вопрос.

Львица немного склонила голову на бок и улыбнулась.

— Да. Только отнеси меня на кровать.

— Я буду топать, как слон. Давай лучше слезешь, пока оба не рухнули.

Он слегка наклонился вперёд и присел, львица расцепила ноги и бесшумно встала на пол, всё ещё обнимая мохнатую гриву и держа морду у морды.

— Не обмани моих надежд, — прошептала она и легонько чмокнула брата в губы. У того потемнело в глазах, и Сара незаметно просеменила к себе.

Чувствуя, что в комнате не хватает воздуха, а тело зудит от жажды действия, Зак сел на кровать.

«Ну и как мне теперь спать?».

«А завтра будет?» — стоял в голове Зака вопрос, пока он собирал рюкзак. «Будет» — звучал в памяти его ответ.

Лев улыбался и чуть ли не насви-

стывал, предвкушая долгожданный, полный удовольствия вечер, и прекрасные, восхитительные ночи. Каждую ночь и день с этого момента. «Будет палатка подальше, а то и вообще другой мир, любой, в котором можно отдохнуть. Можно уйти через Врата в столицу и снять номер там, или смыться в любой другой уголок Общего, где работают Врата. И как раньше до этого не додумался? Можно уйти куда угодно, у меня всегда был этот вариант, а я им не пользовался».

Личных, дорогих сердцу вещей было немного. Инструменты выбросил отец, над вещами из детства постаралась Сара, а нынешних не копилось — младшие дети учат старших аскетизму. Зимнюю одежду можно забрать потом. Смена белья, куртка, толстовка, берцы, вторые штаны — ничего отличного от набора для деловой поездки. Только ещё сверху немного безделушек, компас, фонарь и другие нужные, личные вещи, многие из которых пока просто полежат в другом месте.

«А завтра будет?» Фелин чувствовал несвойственный ему эмоциональный подъём. Радость была через край, и после стольких лет напряжения и слишком странных последних дней было так заманчиво расслабиться ещё, войти в это течение, быть подхваченным и нестись.

Зак тряхнул головой и дал себе по морде, стало легче. Так. Его спасали воля и ум, и отдаваться эмоциям рано.

Перепроверив всё, фелин вышел из дома с рюкзаком и двумя сумками. Рух уже сидел у него на крыльце и посасывал травинку. В предрассветном сумраке и прохладе больше никого не было.

— Ты сегодня сам не свой, Зак, — сказал он, глянув льву в глаза, и про-

тянул руку, забрать сумки и поздороваться.

— Нет. Я наконец-то свой. Отнеси к себе в сарай, я сейчас приведу велосипед.

— К твоим услугам. Расскажешь по пути?

Зак замер, глядя на стройного грифона, что не побоялся всё рассказать ему сам.

— Со временем. А пока погнали, — он выкатил из гаража свой велосипед, прикрыл дверь и тихонько повернул ключ, оставив его в замке.

Она проснулась в своей комнате, выгнулась, потягиваясь, и блаженно вздохнула. Было тихо. Посреди комнаты на натянутой верёвке висела штора, сквозь неё просвечивало окно у кровати брата.

Вечер обещал быть лучшим вечером в её жизни, а грядущая ночь сулила долгожданную радость и множество удовольствий. Невозможных ранее, желаемых, и от того таких манящих, подталкивающих на любое действие ради их достижения. Хотелось танцевать. Как же сложно было раньше. Пыталась общаться намёками действий — парни их не понимают. Объясняла словами — заумные люди знают их лучше и придираются, находя сотни разных причин, по которым ты не права. Но против эмоций они бессильны. Эмоции не облакаются в слова для самого себя, ты не знаешь, что им противопоставить, и сдаёшься под натиском. Эмоции разные. Те, кто обладает волей, умеют их подавлять, но это как снег в горах — приложи нужное усилие, чтобы нарушить равновесие, и сойдёт лавина. А в лавине не понять, где верх, а где низ, и после неё гора приобретает новый вид. Не всегда тот, который хочется, который можно выточить, работая день за днём, но если дол-

го-долго трудиться, то лавину можно направить. Заложить взрывчатку, отойти на безопасное расстояние и созерцать дела рук своих.

Всего-то немного активных действий, и любой парень твой. Спасибо, Рухгерт, ты помог испытать метод. Спасибо, Заккори, что ты решительнее своего друга. Сара встала и с улыбкой покружилась и сделала па, но неловко зашаталась и захихикала. Пижама теперь будет особо не нужна. Можно спать голой, когда в доме жарко, не соблюдая «приличия». Сквозь шторку проглядывала вторая половина комнаты, и теперь там можно быть хоть днём, хоть ночью, Зак не скажет слова против.

Позёвывая и почёсываясь, львица сняла верёвку с крючков и забросила подальше. Накрыла шторой опустевший стол Зака, пробежалась взглядом по полу, полкам и стенам, отмечая отсутствие дорогих брату предметов, и счастливо улыбнулась простой мысли:

Она проснулась в своей комнате.

— Знаешь, — сказал Рух через пару недель, когда Зак ему всё рассказал и получил в ответ больше честных подробностей, — она не выглядит расстроенной. Ты думал, что сделал её, но действовал точно так, как она хотела.

— Я это сам понял, — грустно улыбнулся Зак, — не заметил, как она стала коварной тварью хитрее меня.

— Однако... — протянул Рух и побарабанил пальцами по клюву. Фелин откинулся на спинку дивана — снимаемая им квартирка была ничего. Близко от врат, хоть и далеко от Подгорного, но попадаться на глаза семье пока не хотелось.

— Однако это временное пристанище. Мне нужно будет вернуться и продолжить обучение ремёслам, не могу же я вечно прохлаждаться в столице. Теперь, зная, что всё это была фальшь, мне отвечать только за своё исчезновение и постараться не придушить гадину.

— Поселишься в Азеркине?

— Скорее всего.

— Здорово. А знаешь, что? Я бывал в таких гадских местах, где опасными считаются те, кто защищается. Где виноват тот, кто в ответ на психическую агрессию отвечает силой. Кто в ответ на принуждение и хватающие его руки пытается освободиться кулаками. «Превышение самообороны», говорят они в ситуациях, до которых можно было не доводить, ответив раньше так, чтобы от тебя отстали. Но в тех мирах много сумасшедших, которые не остановятся и будут мстить до самой смерти, и люди там боятся. Я был так впечатлён контрастом, а потом так в это погружился, что и забыл, где я живу. И я рад, что в Общем это не работает.

— На мне, как видишь, сработало.

— На мне сперва тоже. Но больше не должно сработать ни на ком.

— Сара Натаниэль? — лысая морда Человека была серой, как мокрый осенний день за его спиной.

— Да, это я, — львица поёжилась на пороге и взглянула на позвавшую её мать.

— Вам сообщение из городского совета. Возьмите конверт и распишитесь. Прочтите при мне вслух.

Обезображенный фелин в кожанке протянул ей красный прямоугольник. Под грозным взглядом матери и бесстрастным почтальона, Сара открыла его дрожащими руками.

«Сара Натаниэль,

Вы вызываетесь в городской совет для решения о сдаче экзамена на права человека. Принимая во внимание оценку психоэмоционального состояния и показания свидетелей, комиссия рассматривает возможность переноса даты экзамена на иную от дня пятнадцатилетия дату с необходимым коррекционным курсом. Присутствие минимум одного из родителей обязательно.

Приём назначен на завтра, 10 часов утра, кабинет №2».

— Как это понимать? — похлопала глазами Сара.

— Распишитесь, — почтальон протянул планшетку с карандашом, — в Совете всё объяснят.

— Мама?

— Ставь подпись, не задерживай исполняющего свой долг служащего. В моём письме было чуть больше подробностей, и нам предстоит долгий разговор. Ты же не хочешь попасть в зоопарк, солнышко?

Мантс

vk.com/vdpon

Нечистые

(Отрывок)

Глава Аланин: Так и живём...

Предлагаем вашему вниманию отрывок рассказа новых для нас авторов Мирдала (АКА Алексей Исаров) и Хеллфайр Файр. Сюжет, так же как и сам мир, показанный в произведении, показался нам интересным и заслуживающим публикации.

К сожалению, объём нашего журнала не позволяет включить это произведение целиком, поэтому публикуем отрывок из произведения для ознакомления. Полную версию вы можете найти по адресу ficbook.net/readfic/6879404

Авторство иллюстраций к произведению указано в оглавлении Арфи.

В нынешнем мире, несмотря на сохранившиеся остатки цивилизации, природу уже не назвать покорённой. «Братья меньшие» уже не страдают от «братьев старших». Куда чаще всё происходит наоборот. Прокатившаяся тридцать лет назад война, длившаяся лишь несколько часов, завершилась неожиданно для всех участников. Сейчас уже не важно, кто первым применил биологическое оружие — люди, покорившие привезённых через порталы в свою метрополию антропоморфов, доставленных с разных концов галактики, или прежде покровительствующие человечеству драконы решили расправиться с бывшими друзьями... Всё равно сталкиваться с последствиями пришлось не им, а потомкам переживших катастрофу.

Планета изменилась. Мегаполисы человечества обратились в руины, укрытые погребальным саваном тропической растительности. Оружие, при помощи которого люди склоняли непокорных к подчинению, было по большей части погребено и забыто, а без должного ухода пришло в непригодность. То, что осталось, быстро разделили между собой уцелевшие. И, к сожалению, оружие пригодилось — порождённые катастрофой чудовища, некоторые из которых не приснятся и в дурном сне, стали

главной, но не единственной опасностью изменённого мира.

Куда больше неудобства доставлял самый опасный хищник — человек. Приспособившись к новой среде обитания, он изменился почти до неузнаваемости. Сохранив свой разум, он оставил предавшие его технологии и встал во главе суровой природы, ваяя её с тем же искусством, изменяя её по своему намерению с той же простотой и умением, как прежде — металл, пластик и кремнь в микросхемах.

Эти эксперименты не могли остаться без внимания главных виновников произошедшей беды. Драконы когда-то даровали людям знания, имея представление о том, что те используют их во зло. Неумелые, слабые и глупые люди должны были стать чем-то вроде пушечного мяса, а для того, чтобы они лучше выполнили уготованную им роль, их следовало поднатаскать. Именно поэтому завоевания и рабовладение стали основным занятием людей — драконы множили жестоких ублюдков, намереваясь использовать их в своих планах. И лишь желание добиться в своём чёрном деле большего сгубило драконов, когда их задумка потерпела крах.

Сейчас, когда внезапно даже крылатые техномаги осознали, кого вскормили, они могли лишь наблю-

дать издали и думать, измышлять, как окончательно их перебороть — теперь в их новой ипостаси. Фурри же остаётся... только жить. Не только выживать — но и жить.

Перед общей опасностью бывшие рабы сплотились. В ходе апокалипсиса были разрушены — как случайно, так и нарочно — порталы, способные вернуть различные виды на родные земли. Мир людей и так принял их с оскалом, а теперь и вовсе мог погубить всех — потому цвет шерсти или положение в пищевой цепи потеряли былое значение. Банды, пропагандировавшие расовую чистоту, быстро редели и исчезали. Им так же хватило сообразительности оставить свободными вызволенных из неволи соотечественников. Авторитет руководства теперь основывался на опыте, а не на принуждении. Впрочем, многие знания теперь утратили былую ценность, многие зверята из нового поколения лучше разобрались в причудах и опасностях пережившегося мира.

Так или иначе, а остались в живых лишь самые лучшие. Неумех отсеяла смерть, подлецов изгоняли из сплотившихся поселений, из немногочисленных посёлков, которые удалось отремонтировать. Пессимисты и нытики сгинули сами. Поэтому расстраиваться нечему. Самое тёмное время глупости и рабства ушло. Да и хуже, чем сейчас, точно уже не станет.

Скинув оковы, надетые человеком, фурри начали возводить новый мир на обломках старого. Жизнь теперь сосредоточилась в небольших, но густонаселённых поселениях, обнесённых высокими стенами и имевших собственных храбрых защитников. Встречались и города — отстроенное заново или же слегка уменьшенное наследие человечества. Такие города тоже имели стены, вышки и пулемётчиков на них, они выпускали

по расчищенным дорогам рычащую технику и расчищали новые территории: экскаваторами — от деревьев, пулями — от чудовищ. Вокруг подобных городов множились поселения, возводились фермы, строились так называемые «пограничные» селения, жители которых были призваны защищать «внутренние» земли от опасностей или предупреждать о них.

Смертность в таких хуторах граничит с ужасом, но защитники в них позволяют детям в центральных поселениях спать спокойно, а немногочисленным мануфактурам — функционировать, облегчая жизнь всем.

Кое-кто из фурри забредает ещё дальше, за кордоны — разведчики, добытчики, сталкеры и исследователи. Несмотря на свою репутацию и низкое звание, наверное, именно их и можно назвать лучшими из лучших. Они не потеряли храбрость, готовы помогать развиваться соотечественникам и возвращать собственные навыки, их жизнь опасна, но интересна.

Сохранив старое, фурри научились творить новое. Чего стоили шагоходы, разработанные для того, чтобы группа перебиралась через леса, по

которым не проехать на чём-либо колёсном или гусеничном? Или системы защиты, способные испускать волны странной энергии, наследия драконов, для создания которых требовалось лишь умертвить какого-нибудь негодяя, бандита или убийцу? Даже несколько из самолётов уцелели, и хотя никто и не думает поднять их в воздух, одно осознание того, что в их лапах сохранилась такая сила, подбадривала разношёрстный народ и не давала ему впадать в отчаяние.

Значит, есть ещё надежда восстановить всё и приобрести даже большее. Только... хорошо бы сначала выяснить, как встать хотя бы на равных с дикой природой и природой, подчинившейся человеку.

В частности, этой целью и озаботились отряды скаутов — специализированного подразделения, не только выполнявшего обычный поиск или уничтожение мутантов, но и занимающегося большим: они вскрывали лаборатории, хранилища, музеи, забирались на военные базы, оставленные или занятые психами с оружием, отлавливали мутировавших тварей, в которых уже было трудно узнать вид-первоисточник. Они могли воевать не хуже элитного отряда специ-

ального назначения и с трепетом относиться к порывшим листкам бумаги, поцарапанным дискам и запylённым книгам. Они были разведчиками и добытчиками, солдатами и искателями.

И ещё были дружинники — те, кто просто патрулировали границы, предупреждая поселения на краю враждебной территории об активности изменённых зверей или выбросах мутагенов. А потом, сообщив об этом фуррям на окраинах, пытались вместе сдержать угрозу или, если это невозможно, помочь с эвакуацией.

Именно дружинники подмечали, как странно поменялась природа. Скаутов уважали, о них знал каждый. А подразделения дружинников действовали, не желая себе высоких наград, потому что считали, что занимаются повседневной работой. Но их ремесло иногда оказывалось важнее даже открытий скаутов. Они первыми определяли слабые места в чешуе у омерзительных созданий новой природы, они разузнали, каким образом мутировавшие грибы поднимали на ноги трупы разумных и заставляли их нападать на себе подобных, чтобы изготавливать удобрение для своих «хозяев», они открыва-

ли новые виды монстров и способы, как обезопасить себя от них — или уничтожить. Они же придумывали, как изменившуюся природу использовать во благо, какие плоды и ягоды можно использовать для лечения болезней и утоления голода, как мирно соседствовать с миром, а не просто уничтожать всех тварей из леса по примеру скаутов.

Они же просто первым сталкивались со всеми странностями и причудами — ещё до того, как любой скаут узнает, где их искать.

Вот об одном таком открытии и расскажет эта история. А ещё — о подвиге, равном которому не было уже очень давно.

Глава Треонин: Звездопад

Волчица Волемира покинула бивак сразу, как заметила, что блестящий силуэт рухнул в лесок неподалёку. Для крылатого мутанта — слишком неестественный блеск металла... а воздушные машины давно уже не запускают из-за непомерного расхода горючки. Чем же было потерпевшее крушение устройство?

Вопреки уставу, Волемира не стала докладывать об увиденном начальству. Во-первых, дружинники были всё же достаточно свободны в своих действиях. Во-вторых, как раз вчера вернулась скаутская группа, а значит, их могли выслать на разведку. Не то, чтобы Волемира была склонна к идиотизму, то есть, к героизму, но к чему поднимать лишний шум? Тем более если несколько знакомых, деливших костёр, тоже видели всё, и один из них побежал к деревне, чтобы там подготовили подкрепление — либо для доставки древнего аппарата, либо для оказания иной, силовой поддержки.

Волемира не стала пользоваться

техникой — положились на собственные лапы. Правда, тащить винтовку по лесу было нелегко, но она составляла единственный груз — не считать же за него россыпь патронов! И к тяжести Волемира привыкла. Оружие чем-то напоминало её саму странной двоякостью — раньше служила людям, была разобрана по винтикам и стала служить теперь фурри... Старое оружие в новом мире.

А Волемира была двоякой не только в душе, но и внешне. В душе — потому что вспыхивает, как порох, а затем в лепёшку расшибётся, чтобы заслужить прощение. А внешне... Внешне её бы в старые времена разодрали соплеменники, а в нынешние только подкалывают по-дружески, иногда называя мутантом. Мутант и есть — химера. Левая сторона морды — чёрная, зелёный глаз, а правая — белая, глаз оранжевый. По телу такая окраска менее странная, оно почти всё чёрное, только с полосами белой шерсти, да некоторые пальцы белые — но тоже признак такой, что за него в прошлом или к альбиносам в рабы, либо к чёрношёрстным на нож.

Ну а в настоящее время... уродами считались куда более искорёженные бедняги, а отщепенцами — потерявшие разум и облик разумного страшилища.

Главное, самой такой не стать. А заразиться от пореза или плевка какой-нибудь зверушки сейчас — слишком просто...

Не сковывающий движение, но прочный костюм не мешал продвигаться между кустов, не шуршал. Волчица пригibasлась к земле, поднимая лишь наострённые уши.

Конечно, сейчас с медициной дела обстояли лучше. Во всяком случае, большинство вакцин уже было придумано, а от укуса зомби не станешь, если лапы не протянешь. Другое дело, что лапы протянуть можно

было с лёгкостью, вот например сейчас — Волемира нырнула за куст и присела на корточки, снимая винтовку. Характерный запах гниющей плоти и крови её нос учуял с лёгкостью.

От зомби Волемиру корбило — пугали в них не столько облик трупа, чьи нервные цепи были замещены грибницей, сколько их неестественные движения, иногда слишком плавные, а иногда — до невозможности резкие. Каждый раз хотелось поскорее избавиться от этого отвратительного паразита, заставлявшего покойника отправлять на тот свет других. Но для победы нужно нанести точный, внезапный удар, будучи не обнаруженной — после ошибки выигрыш уже нельзя гарантировать. Да и собственная жизнь — слишком дорогая цена для такой победы.

Существо при жизни было чёрным волком. Судя по многочисленным ранам, обгрызенному хвосту и по тому, что у бедного создания были съедены бока — в самом буквальном смысле — кто-то очень долго и упорно его грыз. Гаити-гриб всё-таки вещь противная, но не смертельная сама по себе. Он как глиста — живёт в теле, пока его либо не выдворят сильнейшими антибиотиками, либо владелец не умрёт и гриб не возьмёт контроль над мозгом. Поэтому от трупов принято избавляться сразу, без похорон и других церемоний. Никогда не знаешь, чистое ли тело у товарища.

Никаких моральных терзаний у Волемиры предание зомби окончательной смерти не вызвало. Даже небольшое удовлетворение появилось — так мир делается чище. Жалко лишь, что одна, даже самая генеральная уборка не избавляет от всех последующих...

Она отцепила с пояса фляжку с водой и сполоснула слегка испачканный кровью мертвеца приклад винтовки. После этого двинулась

дальше с ещё большей осторожностью. Бывает так — думаешь, что тут одна гадина, а окажется, что много.

Их притягивал валившийся аппарат — почти наверняка — потому что эти злыдни сходились к той же точке, к которой выступила Волемира. Ещё четверо — далеко друг от друга, но всё ближе к цели, будто падальщики, почувствовавшие свежую смерть. По счастью, дружинница обезглавила ставший хрупким позвоночник зомби достаточно тихо, чтобы не сбежались остальные... но как их отогнать от важной находки? Этот вопрос решился сам собой. К огромному удивлению самки.

Первый зомби со скулежом пролетел по воздуху и врезался в ствол дерева. Затем кто-то проорал «Бездушные уроды!», и второй зомби, уже совсем безмолвно, кувыркнулся в другую сторону.

«Летательный аппарат» оказался способным к самозащите! Хотя, какой аппарат... отсюда уже можно заметить, что это был дракон в скафандре, на которого бросались с флангов два оставшихся грибных мертвяка. Схватив одного своими лапищами за грудки, дракон швырнул его в другого, заставив обоих повалиться кубарем, выворачивая суставы и разрывая сухожилия.

Волемира заколебалась. Дракон... Драконы были повинны в катастрофе, драконы подговаривали людей захватывать, обращать в рабство и убивать, драконы были злом... Но прошло столько лет — всё изменилось. И пристрелить дракона просто так значило совершить ошибку.

— Лапы за голову, крылья сложи и только попробуй взлететь! — Волемира шагнула вперёд, подняв винтовку.

— При всём желании... — выполняя приказ, крылатая самка скривилась,

опуская нос к своим задним конечностям. Одна из них, левая, представляла настоящий ужас. Её будто бы вырвали у искусанного зомби и насильно приставили к драконьему телу — так она была изранена и искорежена ниже колена.

Волемира медленно опустила оружие.

— Дракон... — произнесла она, не зная, как начать. Самка вымученно посмотрела на неё.

— Моё имя — Спика.

Ни одна инструкция не могла подсказать Волемире, как поступить в той ситуации, в которой она оказалась. Но все же она была скаутом, а не обычной воякой. Именно поэтому волчица вызвала помощь по персональному миникомпьютеру, а сама, добив зомби, занялась лапой Спика.

Одно дело — простые раны, которых Волемира навидалась... другое дело — воняющие, загноившиеся. Разорванный скафандр драконессы будто перемешали с плотью, присыпав всю смесь какой-то белой плесенью, медленно выставившей и впитывавшей в себя кровь.

— Не... трогай... — сквозь зубы, пересиливая боль, предупредила Спика. — А то заразишься. Лучше беги за врачом, если у вас могут такое лечить. А если нет — слушай...

— К врачу скоро доставлю, — вздохнув, волчица поднялась и начала осторожно всматриваться в подлесок, ожидая прибытия транспортного средства и надеясь, что больше не объявятся зомби... и тем более не прибегут мутанты.

— Всё равно слушай, — Спика говорила с паузами, похоже, на бой с зомби у неё ушло много сил. — У вас больше врагов, чем думаете... И они очень сильны... Мы, драконы...

— Да знаю я, кто вы, — Волемира фыркнула с отвращением. — Убий-

цы! Похищали наших предков через людей, над самими людьми эксперименты ставили, а потом весь наш мир в ядовитый куст превратили. Не будь ты ранена — пристрелила бы на месте!

— Да, сейчас пристрелить меня — слишком милосердно для такой, как я... — пошевелилась чешуйчатая, а потом расправила покрытые защитной плёнкой крылья от боли. — Считай это справедливой карой и слушай дальше, как спастись хотя бы вам, невиновным в той старой войне, которую я не застала.

— Я тоже, в отличие от её последствий, — Волемира направила дуло на драконессу, не найдя других целей. Но замолчала, ожидая признаний умирающей противницы.

— Вы знаете, что мутантами управляет один разум? — подняла уши Спика, поворачиваясь в сторону. Мерные стуки и треск деревьев предвещали скорое приближение шагохода.

— Да, человеческий, — бросила она. А повернувшись, увидела, что драконница уже лежит на земле с закрытыми глазами. Только этого не хватало! — Эй! Только не вздумай протянуть лапы! — предупредила Волемира.

— Я просто устала. А ты меня не слушаешь, — прозвучал ответ. Волчица выдохнула с облегчением и снова повернулась на звуки машины. Та вскоре показалась из-за деревьев — большой серебристый паук, ловко пробираясь между стволов деревьев, шёл к ней.

Эта машина — практически идеальный вездеход, единственный недостаток которого — очень небольшой переносимый объём или число пассажиров. Восемь ловких ног перешагивали между деревьями или просто срубали их перед дорогой шагохода. Одна сломается, застрянет где-то —

можно будет дойти на остальных, электроника подстроится. Двигательный отсек в центре, пилот и пушечка — спереди, сзади — «брюшко», в котором, ужавшись, могут поместиться четверо фурри.

Пилот-водитель Спика словами не приветствовал, лишь приподнял первую справа ногу повыше... И остановился совсем, когда разглядел на поляне дракона. Спика тоже приподняла голову — ещё никогда ей не приходилось видеть такого фуррия. Она-то и о волках знала лишь потому, что тех привезли в её родной мир драконы-владельцы, а уж о таких созданиях...

По одной из лап, цепляясь за специальную скобу, ловко слезла худая сморщенная самка в мятых штанах и свитере. Полностью лысая, с длинным хвостом, сейчас хорошо пособлявшим в лазанье, и с большими круглыми ушами.

— Крыса, — одними губами пробормотала

мотала Волемира, оскалившись на мгновение.

Фурри-водитель прыгнула на землю, снимая с плеча длинный моток троса, и обернулась к самкам. Искращения приобретённых мутаций не пощадили и старого облезлого грызуна. Гетерохромия — левый глаз голубой, правый — красный.

— Это у вас что, все разноглазые? — поинтересовалась Спика.

— Нет, — ответила Волемира. Это было правдой, как и то, что общая мутация объединила дружинниц между собой, сначала породив дружбу по оружию, а затем и дружбу настоящую.

— Мира! — воскликнула крыса тем временем, подходя ближе. — Ты что, щенок? Зачем всяких зверушек собираешь?

— Я санитар леса, — быстро отшутилась волчица безо всякого веселья. Стоило поскорее помочь обвязать драконессу тросом, а попутно

объяснить ей, что происходит. — Ты сама не залезешь в кабину. Нужно тебя поднять.

— Не надо этим мне кабину мызгать, — махнула крыса на гнойную рану. — Там грязно, но без заразы. Понесём её под собой, подвешенной. Я достаточно аккуратный водитель для того, чтобы она это пережила.

Спика чувствовала себя уже на операционном столе, в окружении хирургов, которые думают, как лучше её оперировать и где разрезать. Только без общего наркоза.

— Делайте, что хотите, — обречённо произнесла она.

— Мы и собирались... — Волемира всё ещё озабоченно осматривала рану самки. — Может, хотя бы обернём чем-нибудь? Я догадываюсь, что

это за дрянь, и потом на карантине сидеть у меня желания.

Пилот подумала и вытащила из кармана штанов бинт.

— Потом на своих раненых не хватит, чужих мотать. Отойди, санитар, будет работать механик.

Драконесса признала, что у этой старой фуррьки лапы не потеряли ловкости. Ногу обвязали без боли, быстро и плотно.

— А теперь — пойдём... — вздохнула обшарпанная. — Да уж, на базе такому подарку обрадуются.

— Спасибо... — драконница ответила без особых эмоций. — Но услышанному от меня на вашей базе не обрадуются точно. Кстати, меня Спикой зовут.

— Пика?

— Спика, — поправила Волемира.

— Викелла, — представилась хвостатая, уже подсакивая на скобы и поднимаясь к кабине. Волемира немного подождала и поспешила за ней, только села в пассажирское «брюшко». А Спике потянуло вверх, шатаая — рывкнув от боли, драконесса остановила покачивание, балансируя крыльями и хвостом.

— Внимание, поезд отправляется! Прошу пассажиров не высовывать лапы за пределы нашей машины во избежание их утери! — предупредила Викелла и двинула вперёд.

— Кусты же! — возмутилась Спика. — Я не хочу, чтобы мне по морде ветви били!

— Не бойсь! Донесу без колючек малейших!

Мирдал и Хеллфайр Файр

vk.com/mirdal

by AZON
BOBCAT
2018

У дракона две души

У дракона две души
Сплетены в едином,
Нитью тонкой ворожбы
Из иного мира.

С человеческой судьбой,
Привыкая к телу,
Весь как будто не такой,
Он с повадкой зверя.

Лапы есть, а также хвост,
Невозможно дело.
Незаметный, как фантом
С волшебством предела.

Поверх кожи чешуёй
Полностью покрытый,
Превосходной, непростой —
Аурой лучистой.

Низвергая рёв вокруг,
Разгоняет бездну,
Набирая высоту
Крыльями чудесно.

И горят его глаза
Огненным сияньем,
Покоряя небеса
Всем своим желаньем.

Сомневаясь, не входи
Ты к нему в пещеру.
Нет обратного пути
В пламенном течении.

На перепутье (Азеркин)

На перепутье быстро шагая,
Облик меняя чуткой души,
Мир ощущая — не понимая,
Зверь притаился где-то внутри.

Чувствуя ветер, землю под лапой,
Ухом заметные звуки лова,
Тенью крадучись, хищной украдкой,
Ищет добычу, тихо рыча.

Он проявляется еле заметно:
Слабым оскалом, взмахом хвоста;
Мирно витая — искоркой света,
Или кусаясь чуть сгоряча.

Став неделимой частью сознания,
И характерной яркой чертой,
Дух обретает свои очертания,
В тех, кто с рожденья был не такой.

Зверь — это тот, кто сторонится:
Шумной толпы, громких хлопков,
Любит порою уединиться,
Прячась за блеском острых клыков.

Но вы не бойтесь, не одичали —
Люди иные с тёплым добром.
Просто не раз их обжигали,
Ставя не глядя — метку-клеймо.

Если привыкнут, впустят поближе,
С двери амбарной снимут засов —
Светом согреют, думая лишь бы:
«Цепь не повесили странных оков».

Тигреан Кхра Фирос
www.stihi.ru/avtor/alexsr

* * *

Закованный в цепи и навеки забыт,
Под печатью закрытый,
Зверь долго молчит.

Сил уже нет, я дам ему волю.
Измученный, проклятый на эту несчастную
долю,
Освободившись, отдался он волчьему вою.

Посмотрев на меня, он убежал,
Наверное, вспомнил
Всю мою скверну, которую дал.

Бежит он свободный в вольном лесу.
Скверные цепи отняли душу мою,
Глаза закрыл и теперь я молчу.

И он возвращается через года,
В ярость впадает при виде меня,
Вмиг срывает он цепи, теперь навсегда.

Душа умерла, пустое уж тело,
Глаза мои слепы, всё померкло,
Моё сознание уж почти протлело.

Но зверь меня взял.
«Спасибо тебе, — он мне сказал.
Я дам тебе волю, которую ты мне дал!»

Теперь я в лесу и зверь со мной рядом.
Мы слились с ним тайным обрядом.
Сейчас не человек я, не зверь,

С этой минуты и во веки веков
Жить я буду в стае волков...

Роберт Волк

Волки Севера

Глава 2

Предлагаем вашему вниманию продолжение рассказа «Волки Севера», напечатанного в выпуске Арфи 2016. Для соответствия формату нашего альманаха, в тексте были сделаны небольшие изменения в главе, касающиеся постельной сцены. Полную версию можно найти в группе автора.

Волчья стая быстрой рысью двигалась к берегу фьорда, лишь предрасветные звёзды освещали путь хирду в тишине северной ночи. Только иногда звякало оружие или доспех на плечах викингов, шумел прибой да пел свою извечную песню ветер, летящий над пенными валами Лебединой дороги — великого северного моря. Тропа, по которой бежали воины, была довольно узкой и извилистой, каменистой, как и вся эта скудная и суровая земля Норга, но привычные к ночным переходам и внезапным налётам бойцы даже не смотрели под лапы. Скоро рассвет. Скоро решатся судьбы их вождя-хёвдинга и ярла Снэга Сгнюгвардсона, пришедшего в Вольфсхейм с темным колдовством и предательством. Пучина Хэль ожидает предателей и изменников, трусов и воров, тех, кто лжёт и не держит слова. А доблестных бойцов, павших на бранном поле — чертоги Вальхаллы! На рассвете должен состояться суд богов — хольмганг, поединок, на котором решится, за кем правда богов. Дружина-хирд вышла из Волчьей пади практически вся, оставив в Вольфсхейме лишь два десятка молодых хирдманов, самок, детёнышей, немногих стариков да рабов-треллей и пленников. Если судят Один и божественные прялки-Норны Вольфу Вольфсону победить, то вернутся все, если же нет... Но пока лежит под лапами тропа, ведущая мимо скалистых обрывов и мрачных осыпей, мимо ущелий, где прячутся в темноте

горные тролли, над ревущими валами белопенного моря. К камню Семи воронов.

Рёсква не осталась в Вольфсхейме. Отмытая, вычесанная и причёсанная другими девушками-треллами под надзором суровой барсучихи — Хэльги, которая вела все хозяйство Волчьего дома, она сменила старое грубое платье на одежды знатной норги. Только вот ни чистота тела, ни одежда, ни серебряные украшения на висках, шее и запястьях не изменили решимости волки идти за своим избранником хоть до врат потустороннего мира. Что и было высказано. И встречено дружным рёвом одобрения от собиравшихся на битву суровых викингов и одобрительной улыбкой их дикого вождя. Теперь Рёсква бежала рядом со своим волком, и пусть на её плечах не было кольчуги или тяжёлого чешуйчатого панциря, а на голове — шлема с жуткой полумаской-намордьем, но за плечами волки висел круглый щит, а на поясе — лёгкий ромейский меч в изукрашенных ножнах и широкий нож-сакс. Вольф тоже не надел ни доспеха, ни шлема, только оружие у пояса да щит, заброшенный за спину, говорили, что идёт он на битву, а не на праздник. Мрачный огонь горел в глазах серебристого волчары, и вёл вожак свою стаю к месту, где запляшут клинки, во славу древних богов древнего Севера, туда, где на месте, не принадлежащем ни земле, ни морю, он споёт песню Смерти в

поединке, о котором скальды будут складывать саги ещё много лет. Пара волков летела, едва касаясь лапами земли, рядом, касаясь друг друга плечами и бёдрами, а за ними, жарко дыша, вываливая в предчувствии кровавого пира языки, следовала верная стая — дружина-хирд.

Когда восточный край неба начал наливаться краской, прогоняющей ночную тьму и затеняющей звёзды, стая вышла на берег. Отлив обнажил морское дно, оставив широкую полосу мокрых камней, место, которое не принадлежит ни одной из стихий, вокруг скалы, на которой чья-то лапа в незапамятные времена высекала изображение семи летящих птиц. Так и называли её — Камнем семи воронов. Место это почиталось священным, и не было лучшего выбора для хольмганга, освящённого божественной волей и божественной справедливостью, ведь ворон — это птица самого Одина. Хугин и Мунин сидят на спинке трона Отца дружин и приносят ему вести со всех краёв Асгарда, Ванахейма, Митгарда, Ётунхейма и всех остальных миров. А дальнейшие предки всех волков и самого Вольфа Вольфсона, Гери и Фреки — Алчный и Жадный, лежат у ног верховного бога, ожидая его приказов.

Стая, вытекая из ущелья, мгновенно перестроилась из походной цепочки в плотный строй, который может мгновенно составить сваргу — стену щитов — и ошестиниться частоколом острых копий, а на другой стороне каменистого пляжа из тёмной лощины точно так же вытекала другая стая, тоже становящаяся в боевой порядок. Ярл Сгнюгвардсон пришёл. Оба строя неторопливо сближались, и, когда меж ними осталось расстояние броска копья, солнечные лучи осветили берег. Окольчуженные хирдманы были готовы мгновенно

закрыться круглыми щитами, но оружие оставалось в ножнах, с обеих сторон. Хирд ярла оказался больше, чем отряд Вольфсона, десятка на полтора-два, но вот в его рядах явно было заметно разделение, словно воины старались держаться отдельно друг от друга. Вольф усмехнулся и кивнул в сторону противника.

— Смотри, Рёсква, на правой лапе ярл поставил свейских наёмников. Два десятка кольчужников с синими щитами. Эти за него кому угодно глотку порвут, но лишь пока серебро звенит, — волчара повёл плечами, разминаясь перед поединком. — А вот свои у него не в чести оказались, смотрят на любимчиков своего хозяина с неприязнью.

— Ясно, — волка фыркнула, принялась к морскому ветру и тоже принялась приплясывать на месте — значит, ударить нужно в стык между отрядами и смять наёмников первыми. Их прикрывать не станут.

— Хой! Прав был Отец дружин, когда назвал тебя великим сокровищем, — Вольф улыбнулся, ткнул мокрым носом в ушко Рёсквы. — Тебе бы дружины в бой водить!

— И буду водить! — волчица, мягко потянувшись, лизнула своего избранника в щёку, вызвав одобрительный смех и подначки в рядах хирда. — Я же дочь вождя и подруга вождя.

И тогда Вольф, расправив плечи и набросив на лапу щит, вышел из строя своей дружины. Лишь кожаные штаны да белая полотняная рубаха были на нём. Твёрдо ставя босые лапы на мокрые камни и плотный песок меж ними, он сделал три шага вперёд и, указав пальцем на вражеский строй, выкрикнул:

— Ярл Снэг Сгнюгвардсон, муж женовидный, тот, кто напал ночью и не предупредил, что идёт! Обвиняю

тебя в трусости и подлости! В том, что чёрным чародейством хотел завладеть Вольфсхеймом! В том, что вступил в сговор с Троллхеймом!

В подтверждение этих слов из рядов хирда вылетели перемазанные зелёной кровью плащи и кривые бронзовые ножи убитых троллей, а заодно и две клыкастые зелёные башки с длинными изогнутыми носами.

— Призываю в свидетели всех богов Севера, небо, землю, огонь и воду, что нет меж нами ни жалости, ни снисхождения, и вызываю тебя на поединок в месте, что не принадлежит ни земле, ни воде! На три щита и до смерти!

— Вольф Вольфсон, — из-за сомкнутых щитов свейских наёмников вышел длинный тощий росомх в богато вышитом одеянии из дорогой ткани, — слова непроизносимые бросил ты. Теперь лишь твоя кровь смоеет это оскорбление, — голос ярла скрипел и шипел, и от этого голоса вся шерсть на загривке и спине Рёсквы поднялась дыбом, а клыки обнажились в злобном рыке, ведь она видела и слышала именно того, кто в её видении был убийцей её волка и разрушителем Вольфсхейма. — Я брошу твои кости воронам, а твою девку... — злобный взгляд маленьких росомашьих глаз упёрся в волку, — сперва отдам на потеху свеям, а потом... — ярл мерзко захихикал, но тут же поперхнулся и закашлялся, плюясь и шипя от боли в неожиданно прикушенном языке.

Дочь Вайта чуть не бросилась на Щипача, её лапа уже потянула из ножен ромейский клинок из светлой стали, но тут на плечо ей упала чья-то тяжёлая лапа, и кровавая пелена спала с глаз волчицы. Она с гневным рыком обернулась и неожиданно осеклась. Рядом с ней стояли двое, двое, которых не было в Вольфсхей-

ме и не было в хирде, когда тот вышел на берег. Огромный медведище с невероятно широкими плечами, рыжей гривой нечёсанных волос и рыжей бородкой, а рядом с ним маленький, вёрткий лис, хитро щурящийся и прикрывающий глаза ладонью. Правая ладонь медведя, закованная в странную стальную перчатку, лежала на плече волки и такая мощь чувствовалась в этой лапе, такое спокойствие исходило от этого великана, что Рёсква мгновенно спрятала клыки. Это чувство... Почти такое же, словно снова рядом оказался тот одноглазый старик-странник, приведший её в чувство, после того, как Вольф разорвал на её горле колдовской ошейник... Медведь посмотрел на неё сверху вниз и одобрительно кивнул.

— Вот видишь, брат, — прогудел он, обращаясь к лису. — Всё так, как и было сказано. Умна и умеет чутя присутствие. А ещё предана тому, кого избрала.

— Ага... — лис со скучающим видом почесал себя за ухом, — папочка как всегда был прав и бла-бла-бла. Не мешай, сейчас начнётся самое интересное! — и тут же исчез, мелькнув белым кончиком хвоста, за спинами хирдманов.

И действительно, на обнажённом отливом дне фьорда сходились поединщики. Вольф с рыком разорвал на себе рубаху, оставшись полуобнажённым, и отбросил в сторону щит. Ярл не стал обнажаться, чтобы показать, что нет на его теле талисманов и амулетов, что нет на нём доспеха, но тоже отшвырнул щит. Тут же выбежавшие из рядов воины подали им новые щиты и снова они оказались отброшены. Лишь третья пара щитов оказалась принята, и оба бойца, обнажив длинные мечи, начали мягко сходитьсь.

— У них осталось по одному щиту, — медведь продолжал держать лапу на плече волка. — Теперь заменить их нельзя. Тот, чей щит будет разбит, останется с голой грудью, но свободными лапами. Ха!

Вольф прыгнул вперёд и обрушил на щит ярла свой клинок, снеся часть окованного железом края. Ответный удар не заставил себя ждать, и меч ярла оставил глубокий шрам на стальном умбоне в центре щита волка. Росомах оказался силён и очень быстр, противники явно были равны в своём воинском искусстве, и удары сыпались один за другим, но ни один из них не мог достичь цели. Летели искры от сталкивающихся клинков, гремела сталь о сталь, разлетались щепки от ясеневых щитов... Поединщики кружили на мокрых, покрытых водорослями и слизью камнях, всё ускоряя и ускоряя темп боя.

Первая кровь пролилась, когда ярл могучим ударом расколол щит Вольфа. Сvei и ярлова дружина дружно взвыли, радуясь удаче своего вождя, но ему тут же пришлось закрыться от полетевшего ему в морду обломка, и тут волк обрушил на него град ударов, перехватив меч обеими лапами. Ярл едва успевал отражать эти атаки, его щит тоже треснул и развалился. И в этот момент волк поскользнулся. Немного соскочила лапа, на мгновение он пошатнулся, но этого оказалось достаточным, чтобы ярл Снэг тут же нанёс удар. Казалось, что это конец, но волк сумел извернуться, и клинок ярла не обрушился на его плечо, а лишь пробороздил кончиком кровавую полосу по груди Вольфа. Новый рёв со стороны ярлового воинства тут же сменился воем радости у дружины Вольфсхейма, когда хёвдинг в ответ смахнул ярлу половину уха. Переводя дух, бойцы немного разошлись, и кровь, теку-

щая из их ран, окрашивала алым серебристый мех волка и седую шевелюру росомаха. Рыча друг на друга и скаля клыки, они вновь закружились в танце Смерти.

Рёсква дёрнулась было вперёд, когда Вольф получил рану, но медвежья лапа на её плече напряглась, и волка остановилась, тут же радостно взыв, когда ранение получил уже росомах. Тем временем поединок продолжался. Оба бойца сошлись в новой схватке, и их мечи с лязгом высекали искры друг из друга. Тяжёлые удары следовали один за другим, а на телах поединщиков появлялись всё новые ранения, пока лёгкие, но любая ошибка тут же могла стать смертельной. Волк подловил росомаха на полушаге и сумел вышибить из его лап меч, который серебристой рыбкой закрутился в воздухе и упал в волны накатывающегося прилива. Однако и волчий клинок пострадал от такого удара и переломился на середине лезвия. Оба поединщика, тяжело дыша, сделали пару шагов назад и вытащили из-за широких поясов боевые топоры. Не страшные двулапные датские секиры или двойные лабриссы, а лёгкие однолапные топоры с острыми лезвиями. Бой разгорелся с новой силой, оба воина, уже залитые кровью, с вываленными языками, наносили удар за ударом, спеша закончить хольмганг до того, как море снова покроет место боя.

Росомах был мастером топора, ещё в юности мало кто мог с ним сравниться, но Вольф не уступал ему ни в силе, ни в ловкости. Теперь, когда они оба были ранены, и не один раз, всё решали один удачный удар и милость богов. Глухо стучали сталкивающиеся в воздухе топоры, свистел рассекаемый сталью воздух, а оба отряда то радостно выли, то злобно

рычали, в зависимости от того, что творилось на плёсе.

Когда волны прилива уже вплотную подкатились к лапам сражающихся, Вольф снова оступился. Его шатнуло от врага, как раз в тот момент, когда тот попытался хитро ударить снизу, так что лезвие топора ярла не врубилось в печень хёвдинга, а полоснуло того по бедру, распарывая штаны, кожу и плоть. Однако в тот же удар сердца волк качнулся вперёд, опираясь на здоровую лапу, и его топор с хрустом вошёл прямо в середину груди ярла.

Снэг Сгнугвардсон умер ещё до того, как его тело упало наземь, а душа его отлетела, чтобы быть сброшенной с Радужного моста безжалостным стражем врат Асгарда — великаншей-воительницей Мотгут, прямо в бездонную пропасть Хэль, наполненную холодом и страданиями, чтобы искупать своё предательство и низость до самого разрушения мира, до наступления Рагнарёка.

Вольф упал на труп своего врага, но сумел подняться и, наступив на его грудь, вырвал топор из тела. Он повернулся к смешавшемуся строю ярловой дружины и, высоко подняв над головой окровавленное оружие, запел песню Победы и Смерти, а за ним завыл и весь хирд Волфсхейма.

— Вот видишь, брат, — лис вновь возник рядом с Рёсквой и медведем, — это было весело. Я у этих, — он со смехом кивнул в сторону ярловой рати, — немало серебра выпорил, когда поставил свой кошель на Вольфа. Так что пора нам в путь, тут всё сделано так, как решено Судьбой.

— Да. Пора... — медведище убрал лапу с плеча волчицы. — Но сперва нужно кое-что объяснить тому йотуну, о котором говорил Отец, — в его рыжих кудрях с треском проскочили искры, а вокруг запахло грозой. — А

ты иди, названная сестра. Твой самец ждёт, — он слегка подтолкнул волчицу, которая с удивлением смотрела на огромный молот с короткой рукоятью, висящий на поясе гиганта.

— Тор... Могучий Тор... — шёпот пошёл по рядам хирда, когда он развернулся и, тяжело ступая, двинулся к стоящей на грани волн морских и суши колеснице, запряжённой двумя златорогими козлами.

— Ха! А ещё Локи! — выкрикнул лис и, запрыгнув в колесницу вслед за Тором, показал всем язык. — Помни-те, смертные, что сошли к вам лучшие из Ассов, чтобы видеть сей поединок! А ещё... Ай!

Громыхнул раскат грома, и колесница сорвалась с места, уносясь в небо, а оба отряда со страхом и удивлением смотрели ей вслед, пока не исчезла она за набегающей на Вольфсфьорд грозовой тучей. И снова грянул гром. Золотые молнии раз за разом поражали поверхность ледника, а старый йотун ворочался, роняя скалы и обломки льда, выбрасывая струи пара из мест, поражённых могучим Мьолльниром, который раз за разом метала лапа Тора. Лишь один раз молния ударила не в тело йотуна, а в удирающую от берега хромающую, измятую фигурку, превратив бывшего управителя бывшего ярла Сгнугвардсона в обожжённую проплешину на тропе.

Когда Рёсква очнулась, то всхлипывая, не стесняясь слёз, побежала к сидящему на прибрежном камне Вольфу. Она с рыком растолкала хирдманов и тут же облаяла подошедших к её волку предводителей ярловой дружины. Одним рывком она сорвала подол своей длинной льняной рубахи и принялась бинтовать раны волчары, рыча, хлюпая носиком и одновременно вытирая глаза. Даже не замечая, кто сунул ей в лапы ме-

шочки с целебными травами, она за-сыпала порезы и ранения истолчённым в пыль сухим мхом, закрывала их паутиной, смешанной с горькой пещерной смолой, перевязывала их, шепча древние слова Силы, останавливающие кровь и возвращающие силы. Лишь полностью остановив кровотечение и замотав раны своего самца чистым льном, она поднялась с колен и встала у него за спиной. Гордая и сильная, но одновременно женственная, нежная и прекрасная воительница.

А потом были переговоры. Сvei, которые видели богов и их правосудие, просили лишь свободного прохода, чтобы сесть на свой корабль и вернуться к Сетугну, когда Вольф отказался нанимать их хирд и платить серебром за верность. Драться с ними никто не хотел, ведь воля богов была явлена и хольмганг показал, кто прав, а кто виновен, так что все двадцать кольчужников дружно забросили щиты за спины и ушли в сторону лагеря, чтобы собрать свои шатры и уйти прочь. Разговор со старейшими из ярлова отряда оказался куда более длинным. От того, чтобы самому занять освободившийся трон Сгнюгвардсона, Вольф отказался наотрез.

— Пусть тинг решает, кому быть ярлом. У Снэга Щипача нет наследников и родни, да и жена его умерла прошлой зимой, не дав потомства, так что место свободно, — волк слегка поморщился, когда стоящая за спиной девушка набросила на его обнажённые плечи меховой плащ, поданный Бьорном Трорсоном — вольным хёвдингом, который с братьями ходил в набег на Запад под лапой Вольфсона на своём драккаре — «Вороне».

— А вот мой вам совет, выкликните на собрании имя Трорсона. Моя

судьба за морем и за морем судьба моего рода, так предсказал Отец богов...

Пока шёл разговор, тело ярла завалили камнями на том месте, где он пал, и оставили там, где ни вода, ни земля не приняли его. Такова судьба предателей, даже достойного погребения не даёт им ни одна из стихий.

— Хей! А ведь на нём кольчуга под одеждой вздета! — возмущённый крик оторвал Вольфа и остальных от разговора.

— Божий суд и божья кара, — прогудел Трорсон, стоящий рядом с волчьей парой. — По делам трусу и память будет. Тьфу...

Рёсква не совсем понимала, почему Вольф отказался от того, чтобы стать новым ярлом в Большом фьорде, а когда речь зашла об откупе-вире за нападение и том, оставлять ли бывшим ярловым хирдманам оружие да доспехи, вообще стояла в полуобморочном состоянии. Столько событий, столько изменений буквально за один день. У неё кружилась голова от запаха крови, пота и железа, от аромата моря, от яркого солнца. Она просто дико устала... Ещё вчера немая рабыня в колдовском ошейнике, сегодня она была свободной волкой, названной дочерью Отца богов и кровной посестрой для целого хирда северных варваров, невестой их вождя. Когда спор окончился, Вольф получил обещание отдать ему один из драккаров Сгнюгвардсона — «Синий лис», который лишь немногим уступал «Длинному волку», а заодно и выкуп серебром и хлебом. Так ударив по лапам обе стороны разошлись по своим дорогам.

Волка была в состоянии, близком к обмороку, но держалась, так что обратная дорога до Вольфсхейма прошла для неё как в тумане. Когда частокол усадьбы был уже ясно ви-

ден, хирдманы подняли над головами щиты и, усадив на них Вольфа и его самку, внесли их в широко распахнутые ворота под торжественное пение и ритмичные удары рукоятями оружия по щитам. Вольфсхейм торжествовал! Только вот Рёсква была далека от этого. Отдышавшись, она прыгнула со щита, прямо перед порогом длинного дома, и тут же кинулась к Вольфу. Тот хромя шёл к своему дому, под крики и вой дружины, так и не надев ничего, кроме мехового плаща. Шёл и широко улыбался своей избраннице, которая вместе с ним вышла на поле боя, даже не заботясь о своей безопасности. Волка ойкнула и прижала ладошки к щекам, когда тот подхватил её на лапы и торжественно внёс под своды Вольфсхейма.

А дальше был пир, на котором поднимались чаши во здравие хёвдинга и его подруги, принёсших удачу и славу Вольфсхейму, и пел скальд о том, как Вольф Счастливый и Рёсква Храбрая встретились и победили злого колдуна и как сами Ассы пировали с ними и стояли с ними в рядах хирда. И славили они мудрого Одина, могучего Тора и хитрохвостого Локи и всех богов и богинь Ассгар-

да и Ванахейма. До самого заката. И лишь когда солнечный щит коснулся края морской волны, Вольф и Рёсква покинули пиршественный зал, отправившись во внутренние покои длинного дома, а усталые дружинники разошлись по клетям или устроились прямо в зале, на широких скамьях. Этот день принёс в Вольфсхейм новую надежду и новую славу.

Волка расслабленно вздохнула только тогда, когда за её спиной закрылась дверь в спальню Вольфа. Стены клетки были увешаны шкурами и трофейными коврами, на которых висело оружие. Много оружия. И доспехи. Стальные, железные, кожаные, бронзовые... Охапки копий в углах и щиты вдоль стен. Да, настоящее логово варвара. Зато пол был набран из деревянных плах и застелен искристым рысьим мехом, в котором лапа утопала по самую щиколотку. Широкая деревянная кровать была застелена льняными покрывалами поверх набитой сухим мхом перины и меховыми одеялами. С потолка свисали пучки добрых сухих трав, освежающих воздух и дарящих здоровье. Над кованым поставцом плавали в воздухе огоньки, освещающие спальню, но вот очага в ней не было. Да и вообще, очаги были лишь в длинном зале. Хотя, была в спальне фигурная железная жаровня, задвинутая куда-то в угол, и, судя по всему, никогда не используемая. Волка с интересом осматривалась вокруг, а Вольф, усевшись на скамью и вытянув раненную лапу, смотрел на неё.

— А зимой тут как? — Рёсква коснулась кончиками пальцев висящего на стене мохнатого меха какого-то жуткого хищника, если судить по огромным когтям, свисающим со шкуры. — Очень холодно?

— Ничего, тебе понравится, — волк улыбнулся и сбросил плащ на ска-

мью. — В жилых клетях мы не топим, но зато вокруг много мехов и над голой толстая крыша из дёрна, так что в длинном доме мороз нам не страшен. А если совсем уж замёрзнешь, то вон там, — он кивнул головой в сторону угла, — лежит жаровня. Горючего камня у нас запасено с избытком. Хватит и для кузни, и для обогрева.

— Камня? — волка изумлённо слушала рассказ Вольфа о своём новом доме и понимала, что не такие уж и варвары эти северные воители, во многом куда более цивилизованные, чем франки и саксы. Задок, в который нужно было бегать по нужде, отделённый от дома коридором, а не ночная ваза, баня, в которой ей уже пришлось побывать... Так что жизнь в Вольфсхейме ни капельки не напоминала те три года, которые она провела как рабыня во франкском замке.

Волчица уселась у лап волка и, положив голову на его колено, слушала и слушала, а его широкая ладонь ласково гладила её по голове, чесала за ушками, нежно перебирала косу, заплетённую ворчливой Хэльгой. Она тихо урчала под этими ласками и впитывала в себя всё, что рассказывал ей Вольф.

Казалось, что это всё только сон, страшный и сладкий сон, который приходит на рассвете и заставляет сладко сжиматься всё, что находится внизу самочьего животика, когда становится мокро между лап и стон вырывается из горла в миг, когда пробуждение прерывает это видение. Рёсква прикрыла глаза и буквально таяла от этих прикосновений. Она никогда ещё не знала самца, а сейчас её тело становилось все горячее и горячее, а дыхание все быстрее. Волка тихонько поскуливала и начала ёрзать по рысьему меху, устилающему пол клетки. Её хвостик метался из

стороны в сторону, а каждое новое прикосновение ладони волка заставляло всё быстрее биться сердце.

Когда Вольф наклонился к ней и коснулся носом её ушка, внутри волки словно всё взорвалось. Она подняла голову и неожиданно для самой себя принялась яростно облизывать морду викинга. Горячий язычок волки метался по щекам и губам волка, вылизывал мочку его носа, ласково касался глаз, а взгляд её молил об одном, о самом сокровенном. И волк внял этой мольбе. Крепкие лапы подняли Рёскву с пола и вознесли на скамью, рядом с Вольфом, грубые ладони, которые могли быть такими ласковыми, обхватили её под талию, а обветренные морем губы прижались к её губам.

Этот поцелуй длился и длился, неразрывно, нежно и сильно одновременно. Язык волка проник в её пастьку и хозяйничал там, сплетаясь с игривым язычком Рёсквы, касаясь её острых клыков, нежно поглаживая десны и нёбо... Волчица буквально таяла, она чуть не теряла сознание и отдавалась этому новому, необычному для себя удовольствию до самого доньшка. Её дыхание прерывалось, она не смела вздохнуть, и перед глазами у неё уже поплыли разноцветные круги, когда Вольф прервал поцелуй и дал ей возможность вздохнуть. Между языками волков протянулась тоненькая ниточка слю-

ны, блестящая в свете альфийских огней, горящих над поставцом. Грудь волки вздымалась, и всё тело её дрожало от приятного и неизведанного ранее наслаждения. Рухнули запреты, наложенные служителями распятого бога, и волчья дикая натура вырвалась наружу.

Сняв оружейные пояса ещё на входе в клеть, волки сидели обнявшись ещё несколько ударов сердца, после чего волчица выскользнула из лап самца и закружилась в танце, едва касаясь кончиками пальчиков застеленного искристым мехом пола.

— Смотри на меня! Смотри! Я вся твоя, мой волк! Смотри! — звонкий смех девушки перекинулся с гулким хохотом волка. — Смотри!

Босые ступни волки утопали в густом меху, она кружилась, раскинув лапки, и смеялась, а Вольф любовался этим вихрем юной силы, радостно и беззаботно отдаваясь чувству, которое уже давно поселилось в сердце хёвдинга, ещё в тот момент, когда бездонные глаза волки бесстрашно встретили его взгляд среди разгульного налёта на земли франков. Не франка, не сакса, не аглка и не норга. Неведомая эйрландка из Коннахта стала в тот миг госпожой для сурового викинга. Но это только между ними двумя. Только между двумя сердцами.

Волка остановила свой танец и её горящий взгляд снова встретился со взглядом самца. Голубая бездна падала в синеву, а озёрная синева растворялась в небесной голубизне... Сколько ударов сердца длилась эта вечность — никто не мог сказать, но они оба не могли и не хотели прерывать её, не могли оторваться от этого колдовского мига.

— Смотри на меня, любимый мой! — волка распустила поясок и выскользнула из юбки. — Смотри!

Длинная рубаха из тонкого льна, подол которой она оборвала для того, чтобы перевязать раны своего волка, упала на пол, оставляя волчицу совершенно нагой. Серебристый призрак, исполненный женственно-го величия, восстал перед глазами восхищённого Вольфа. Длинная шея, украшенная волчьим воротником густой шерсти, покатые плечи, два совершенных сосуда, увенчанных алыми кружками и горячими угольками на вершинах, плоский животик с темными отметинами рудиментарных сосочков и провалом пупочка, а чуть ниже треугольник чуть более тёмного и жёсткого меха и безумно ароматное междулапие, уже истекающее капельками нектара... Волка на мгновение смутилась, прикрыв свои сокровища лапами и поджатым хвостиком, но тут же встряхнула распущенными волосами и открылась пред волком во всей красе. Её тело было совершенно и безумно прекрасно. Девушка, легонько покачивая бёдрами, подошла ко всё ещё неподвижно сидящему самцу и протянула к нему лапки.

— Я... У меня ещё никогда не было этого... Невинность стоит дорого, — горькая усмешка пробежала по её губам, — так что меня не обесчестили, чтобы подороже продать. А у конта на мне был ошейник, заклятый жрецами его бога, так что даже самые похотливые скоты из его свиты на меня даже не смотрели. У них всё тут же падало.

Обнажённая волчица прильнула к груди волка и, нежно глядя его по плечам, коснулась губами острого уха.

— Ты для меня первый, Вольф... Прошу, будь нежен...

— Да, любимая моя, — волк подхватил её под попку и поднялся со скамьи. — Я всё сделаю осторожно...

* * *

...Взвыв на два голоса, опустошённые и усталые любовники рухнули на постель. Рёсква, блаженно улыбаясь, раскинулась на одеялах. Вольф навалился на неё сверху и нежно вылизывал улыбающуюся мордочку волчицы.

— Это было великолепно, — волка со сладким стоном вздохнула. — Чуть больно, но так сладко... Мой волк, ты чудесен!

— Нет, это ты моё сладкое чудо, — улыбающийся во всю пасть Вольф опять лизнул носик Рёсквы. — Никто не превзойдёт тебя, моя волчица!

— А ничего, что мы с тобой так, до свадьбы? — волка слегка наклонила голову к плечу и прижала уши.

— Контесса твердила, что это грех и бог накажет за разврат...

— Плевать на неё! — Вольф оскалил на миг свои огромные клыки. — Пусть поклонники распятого сами о себе

заботятся. А здесь Север! Здесь свои боги, и ты уже видела их, и даже стала названной сестрой их роду. Они не осуждают наготу и любовь, и иметь щенка до свадьбы можно, это говорит лишь о том, что самка плодородна и сильна и принесёт ещё много детей.

— Да? — волка поёрзала, устраиваясь поудобней. — Ты не устал, милый? Может, ещё разок повторим? М-м-м-м-м?

— Конечно, повторим! И ещё не раз! Ложись поудобнее, я иду в набег на тебя!

— О, да, мой волк, мой победитель!

Ночь над Вольфсхеймом плыла чистая, звёздная, прохладная, но в покоех его хозяина было жарко. Очень жарко! И страсть пылала в них до самого утра.

Zero-Ni

Создатели альманаха выражают благодарность всем авторам, которые прислали свои художественные, литературные работы, статьи и другие произведения для нашего проекта. Из-за ограничения бюджета журнала и количества страниц, мы не можем напечатать все работы всех авторов, но мы были рады их получить и прочитать. Обязательно присылайте новые работы в следующий раз - удача улыбается настойчивым!

Приглашаем к сотрудничеству пушистых авторов всех жанров и направлений! Присылайте свои работы. Ждём ваших писем.

Главный редактор: **StormWind**
Редактор: **Амбидекстер**
Помощники: **Lozi Cheetah, Neichet, Alive**
Корректор: **Амбидекстер**
Дизайн: Роберт **Волк, Imanika**
Вёрстка: **Imanika**
Печать: **АРФИ**

Обложка: **Conqista**
Внутренняя обложка: **Роберт Волк**
авторство других рисунков указано в оглавлении

Наш сайт: **ArtFurry.ru**
VK: **vk.com/arfi_magazine**
Официальный магазин: **FurryStuff.ru**

Электронная почта редакции АРФИ: **arfi@artfurry.ru**

Выражаем признательность всей пушистой общественности за участие и посильную помощь.
До скорых встреч и спасибо за внимание!

Russian Furry Publishers 2018-2019
АРФИ 2018
68 стр.
PDF-Версия.

Conquista